

105819

К. Ѳ. ЖАКОВЪ.

# ОЧЕРКИ

ИЗЪ ЖИЗНИ РАБОЧИХЪ И КРЕСТЬЯНЪ

НА СѢВЕРѢ

Цѣна 40 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издание М. В. Пирожкова

(Спб., В. О., Большой пр., д. 6)

1906

К. Ө. ЖАКОВЪ



# ОЧЕРКИ

ИЗЪ ЖИЗНИ РАБОЧИХЪ И КРЕСТЬЯНЪ

НА СѢВЕРѢ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ  
Изданіе М. В. Пирожкова  
1906



3513

## НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ АВТОРА

Настоящая книжка представляет собою три небольшихъ разсказа, явившихся результатомъ моихъ многолѣтнихъ скитаній по Сѣверу Россіи.

Въ „Пильвань“ пытался я изобразить простую патріархальную, далекую отъ культурныхъ центровъ жизнь зырянна-земледѣльца съ его наивнымъ міросозерцаніемъ, безхитростною моралью, съ его органической близостью къ матери-природѣ.

„На Богословскій заводъ“—картины нарушенной патріархальности, ломающагося міросозерцанія, когда соблазнъ наживы и стремленія извѣдать новыя формы жизни отрываютъ на довольно долгое время землепашца отъ родной избышки, отъ семьи, отъ обычнаго домашняго дѣла на тяжкій трудъ, на рабское положеніе у могущественнаго, безпощаднаго завода.

Послѣдній разсказъ „Холуницкій заводъ“—жизнь заводская, какъ постоянная форма существованія оторвавшихся отъ земли людей, пережившихъ уже старое міровоззрѣніе, людей, которые вышли уже окончательно на новую дорогу и частію погибли, частію вырабатываютъ себѣ новый укладъ жизни, намѣчаютъ новое будущее для себя и своихъ дѣтей.

*К. Жаковъ*

1906 г. Апрѣля, 12 числа

П И Л Ъ В А Н Ъ

Въ Ипатьдорѣ жилъ Пильвань.

Что за Ипатьдорѣ и кто такой Пильвань? Деревня недалеко отъ рѣчки Пожогъ, вливающей свои воды въ желтую Вычегду— это Ипатьдорѣ. Сосновыя избушки въ ней построены безъ всякаго порядка. Одна изба глядитъ на востокъ окнами, а другая на сѣверъ, иная на югъ или на западъ. Если бросить мячикъ отъ первой избушки деревни сильною рукою, то онъ долетитъ до середины и покатитъ еще далѣе. Среди озими, очень близко отъ мшистыхъ домиковъ строится бѣлая деревянная церковь. Скоро Ипатьдорѣ будетъ селомъ.

Вокругъ него вѣчно шумитъ еловый лѣсъ, а за нимъ сумрачный боръ, и много чудесъ въ этомъ бору, но они извѣстны только жителямъ этого мирнаго уголка. Единственной узенькой дорожкой можно пройти изъ Ипатьдора въ деревню Проньдорѣ, въ семи верстахъ за сосновымъ лѣсомъ, а по другую сторону въ деревню Шилу въ двадцати верстахъ. И больше нѣтъ ничего кругомъ, кромѣ красоты сѣвера— дремучаго лѣса, которому конца никто не знаетъ, кромѣ старыхъ охотниковъ, да и тѣ болѣе гадаютъ, чѣмъ даютъ ясные отвѣты на вопросы.

Близко, очень близко отъ села, въ часъ можно дойти, рѣчка Пожогъ протекаетъ, узкая, темная, быстротекучая, течетъ среди деревьевъ, постоянно шепчущихся и вѣчно качающихъ своими вершинами, какъ бы удивленныхъ какими-то тайными сказаньями. Дикія утки плаваютъ по хрустальной рѣкѣ въ весеннее время и гары порой несутся надъ нею куда-то надъ темнымъ боромъ.

Таковъ Ипатьдорѣ, и въ немъ-то жилъ староста Пильвань.

Домъ его былъ среди села близъ церкви. Онъ былъ выше и пространнѣе другихъ избушекъ. Кругомъ были амбары и сараи,

гдѣ все лежало въ порядкѣ и на своемъ мѣстѣ. Зимой, послѣ долгой темной ночи, какъ только, бывало, синій свѣтъ забрежитъ сквозь замерзшія окная ипатьдорцевъ, а на востокѣ за лѣсомъ заискрятся первые блѣдныя, золотистыя лучи утренней зари, — первый огонь мелькнетъ въ избѣ Пильваня, и немного только спустя, какъ бисеромъ покроетъ, зажгутся привѣтные огоньки во всѣхъ избахъ Ипатьдора.

Но вотъ востокъ свѣтлѣетъ, — синей струйкой дымъ взвѣется изъ трубы дома Пильваня, потомъ немного спустя изъ другихъ домовъ... и дымъ взвѣется синей струйкой, а выше пурпурнымъ вѣеромъ, а затѣмъ румянымъ облачкомъ далеко, далеко къ холоднымъ звѣздамъ отдаленнаго неба...

Вскорѣ и скрипъ шаговъ раздастся по деревнѣ въ ранній часъ, въ морозное утро. Это идетъ староста къ знакомому черноволосому колдуну, позвать его съѣздить за сѣномъ; онъ подойдетъ къ его избѣ, «таркъ, таркъ» ударить палкой въ замерзшее окно. «Сейчасъ», отвѣтитъ голосъ изнутри. И обратно идетъ Пильваня, вотъ видна его могучая фигура въ овечьемъ полушубкѣ, у него на головѣ ушанъ (оленья шапка закрываетъ уши). Приходить въ домъ, во дворѣ начинаетъ налаживать дровни, потомъ зайдетъ въ жилия комнаты, всѣхъ дѣтей разбудить. Скажетъ: «диво! какъ вы можете долго спать, какъ будете жить на свѣтѣ, не знаю, кто за васъ будетъ работать». Дѣти быстро встаютъ послѣ этихъ словъ, и берутся сейчасъ за работу, кто доить коровъ, кто сѣно припасаетъ, кто таскаетъ дрова, иной на дворѣ снѣгъ мететъ.

Ужъ свѣтло. Солнце прекрасное, огромное, румяное, все озаряющее, взошло изъ-за лѣса, за рѣчкою Пожогъ-ю. Пильваня на крыльцѣ. Его большая рыжая борода освѣщена солнцемъ, его сѣрые глаза сіяютъ бодростью, изъ подъ ушана спускаются рыжеватые длинные волосы. Лицо у него серьезное, но добродушное. Онъ ведетъ разговоръ съ мужикомъ Макарь-Пронь, съ мужикомъ неудальмъ, который больше живетъ въ пастухахъ; послѣдній проситъ у него денегъ взаймы.

— Пронь, вѣдь не заплатишь?

— Заплачу, какъ не платить, можно ли это, — увѣряетъ неудальмъ Макарь-Пронь, почесывая за ухомъ.

Тутъ баба приходитъ вдова сосѣдка, муки проситъ у Пильваня.

— Матрена, вѣдь выругаешь за муку-то?

— Нѣтъ, Иванъ Филиповичъ, я вѣдь раньше не то, чтобы

бранила, а сказала, что платить нечѣмъ, знаешь, вдовье дѣло...—У Матрены показались слезы.

— Ладно, дамъ,—сказаль староста Пильвань—Онъ зналь, что пастухъ Пронь ему не заплатить, а Матрена обругаетъ его, если онъ напомнить о долгѣ, но также онъ зналь, что нужно дать, что никто больше не дастъ по деревнѣ.

Солнце ужъ высоко поднялось по блѣдно-голубому небу. Морозъ трещаль и въ деревнѣ, и въ лѣсу. Мужики Ипатьдора разбрелись всѣ по работамъ.

Колдунъ Максимъ-Заика уже складываль сѣно за рѣчкой Пожогъ—ю, а рыжій Федоръ поѣхаль за дровами съ ранняго утра; онъ рубиль въ лѣсу, по поясъ въ снѣгу, сухія, звонкія конды (сосны), пугая пестраго дятла, который одиноко, стучаль и прыгаль по дереву, доставая червей; робкіе зайцы испугались отъ ударовъ Федора и въ кусты побѣжали, бѣлыя куропатки и черные тетерева-тары съ шумомъ вылетѣли изъ чащи и куда-то скрылись за сосѣднимъ холмомъ.

Искусный охотникъ, Иоль Ондрей, ставиль силки въ ельникѣ для зайцевъ, соболей и горностаевъ, тщательно выслѣдивъ ихъ слѣды.

Бабы Ипатьдора, кончивъ утреннее хозяйство, шли съ прялками одна къ другой, посудить о сосѣдяхъ, и въ особенности о сосѣдкахъ, рассказать сны и примѣты.

Быль ужъ полдень надъ Ипатьдоромъ. Вѣчно движущееся солнце сіяло вдоль улицы села. Огромный Пильвань въ полушубкѣ шель по направленію избы Сень-Вань: онъ узналь отъ Макара-Пронь, что рѣщикъ пріѣхаль поздно ночью вчера и остановился у Сень-Вань. Съ нимъ надо было познакомиться и переговорить ему, какъ церковному старостѣ.

«Какой день опять Небесный Отецъ намъ далъ, и весело людамъ», такъ думаль Пильвань, приближаясь къ старому крыльцу старой избы Сень-Вань въ концѣ деревни, откуда два шага и сосны дремучія, чуть-чуть вилась дорога между ними въ деревню Проньдоръ.

Стряхнувши снѣгъ съ огромныхъ валенокъ и погладивъ бороду, вынувши оттуда ледяныя сосульки, перешагнуль онъ черезъ порогъ въ просторныя сѣни, а оттуда въ теплую избу. Онъ увидалъ хозяина, высокаго мужика съ черной, постоянно трясушейся головою, стоящаго посреди комнаты, а рядомъ съ нимъ другого, чрезвычайно низкаго ростомъ человекъ, но тоже страш-

наго на видѣ, съ темными, длинными волосами. Послѣдній былъ босой, и ясно было, что у него не по пяти, а по шести пальцевъ на ногахъ. Это былъ Тимка-нищій, всегда бродившій изъ деревни въ деревню. Онъ мылъ и парилъ въ баняхъ больныхъ дѣтей, читалъ тамъ молитвы надъ ними и заговоры; положивъ ребенка поперекъ на колѣни, отплевывался отъ сатаны и горячей водой выгонялъ всѣ болѣзни.

Его большая голова наводила ужасъ, а маленькіе глаза и волосатое лицо при его двѣнадцати пальцахъ на ногахъ напоминало медвѣдя. Его мать—баба изъ деревни Сейты—ушла въ лѣсъ и заблудилась, она набрела на медвѣдя; тотъ ввелъ ее въ берлогу и сталъ съ ней жить, днемъ она выходила изъ берлоги, собирала ягоды, грибы и питалась этимъ, а ночи проводила съ медвѣдемъ. Послѣдній ласкалъ ее, издавая низкіе гортанные и носовые звуки (мура-мара, мура-мара). Черезъ нѣкоторое время баба забеременѣла и принесла Тимку, а съ медвѣдемъ случилось несчастье: разъ онъ хотѣлъ увести корову изъ лѣсного хлѣва, поднялъ ее на переднихъ лапахъ на крышу (двери хлѣва были заперты) и ушибся; кровью истекъ бѣдный медвѣдь и умеръ на берегу молчаливотекущей рѣчки, вздыхая (какъ говоритъ народъ) о красивой бабѣ изъ Сейты. Такого происхожденія былъ Тимка. Не менѣе замѣчательнъ былъ строптивый, ужасный Сень-Вань съ трясущейся головою. Стоитъ сказать одно слово, неприятное для него, онъ сейчасъ схватитъ обидчика, возьметъ его на руки и, вытащивъ на крыльцо, выброситъ на снѣгъ, сказавъ—«тамъ сиди».

И это бывало не разъ. Когда, бывало, вечерней порой соберутся у него молодые ребята и дѣвушки Ипатьдора (послѣднія съ прялками) вмѣстѣ коротать зимній вечеръ при тусклой лучинѣ, и кто-нибудь при этомъ изъ молодыхъ людей неосторожно что-нибудь скажетъ о старшей дочери Сень-Вань—Василисѣ, тогда черный хозяинъ спустится съ палатей, гдѣ онъ, кряхтя лежалъ, и схватитъ несчастнаго и выведетъ на морозъ и, нагнувши его къ сугробамъ, завалившимъ крыльцо, и втиснувши въ снѣгъ, дѣйствительно скажетъ—«тамъ сиди».

Не любилъ Сень-Вань старосту Ипатьдора, и Пильвань его не жаловалъ.

И нынче исподлобья взглянулъ хозяинъ дома на неожиданнаго гостя, когда тотъ вошелъ въ избу: онъ боялся, и основательно, что Пильвань переманитъ рѣщика съ его квартиры куда-нибудь къ себѣ (у богатаго найдется мѣсто), поэтому заранѣе уже

говорилъ Ѳалалею, что староста де у нихъ мошенникъ, какихъ больше и нѣтъ ни по рѣкѣ Вычегдѣ, ни по рѣчкѣ Пожогъ, мошенникъ, и плутъ, и скряга, негодный человекъ, а что касается до избы Сень-Вань, то лучше его квартиры нѣтъ въ селѣ, нигдѣ не умѣютъ такъ печь теплые пироги и вкусныя шаньги, какъ его жена. и дочь Василиса, мастерица печь пряники, лучшіе и красивѣйшіе, чѣмъ въ городѣ. «Да что говорить! Спроси хоть кого въ селѣ, всѣ скажутъ въ одинъ голосъ—нигдѣ такъ не удобно, какъ въ просторной избѣ Сень-Вань».

Такія рѣчи высказывали Сень-Вань и его жена, уяснявшіе все пріѣзжему Ѳалалею.

Не до Сень-Вань было старостѣ, и онъ прошелъ молча между нимъ и Тимкой, и вошелъ въ комнату, гдѣ остановился рѣщикъ со своей женой Устиньей и съ сыномъ Елеазаромъ, шестилѣтнимъ мальчикомъ. За самоваромъ сидѣлъ рѣщикъ со своимъ семействомъ.

— Я здѣшній староста, Пильвань.

— Милости просимъ,—отвѣчаетъ рѣщикъ:—чаю съ нами кушать.

— Я выпью чашку для знакомства.

Сѣли, погладили бороды, другъ на друга поглядѣли рѣщикъ и староста, подули на чашки съ горячимъ чаемъ, глонули раза два-три и повели степенную рѣчь. Эту рѣчь часто кстати и некстати прерывала нетерпѣливая Устинья. Говорили о дѣлѣ, объ иконостасѣ, о колоннахъ, о херувимахъ, о золотѣ, о краскахъ. Рѣщикъ Ѳалалей показывалъ планъ иконостаса. Пильвань остался доволенъ и планомъ, и мастеромъ, онъ видѣлъ толковаго рѣщика и основательнаго человекъ.

Серьезно и напряженно глядѣлъ маленькій Ѳалалей своими небольшими, ясными глазами, съ маленькой рыжей бородкой, съ гладко причесанной головой, опоясанной у лба кожанымъ ремешкомъ. То надѣвалъ очки онъ, то снималъ ихъ, показывая рисунокъ иконостаса. Говорилъ, не торопясь, но складно и мѣтко. Густымъ басомъ отвѣчалъ ему большой Пильвань, то на рисунокъ глядя, то глядя по плечу Ѳалалея.

— У насъ хорошо поживешь ты, народъ у насъ добрый, гостепріимный.

А нетерпѣливая Устинья вскакивала и садилась, выходила и приходила, вертѣлась около старосты, и шубу его хвалила, и росту его удивлялась, и о женѣ его спрашивала, и о дѣтяхъ, о

дочери Наташѣ, ужъ въ гости собиралась, и къ себѣ звала: она быстро говорила, имѣя искусство между дѣловымъ разговоромъ вести свой собственный, а мальчишки Елеазаръ то отворялъ дверь и съ ужасомъ глядѣлъ на Сень-Вань, то на большеголового Тимку, то булку ѣлъ, которую подсунула ему жена Сень-Вань. Долго говорилъ Пильванъ, наконецъ, понизивъ голосъ, прибавилъ.

— Здѣсь, кажется, Ѳалалей Ивановичъ, квартира будетъ плоха, будутъ беспокоить тебя, да и хозяйева придурковаты, у меня бы есть на виду для васъ у моей сестры, вдовы Аксиньи, большой домъ, и одна половина совсѣмъ пустая...

— Хорошо, Филиппъ Ивановичъ, — тоже тихо сказалъ Ѳалалей.

— У меня сегодня баня истоплена, зайди, помоемся.

Староста ушелъ, сопровождаемый суровыми взглядами Сень-Вань и его жены. Они тотчасъ бросились къ рѣщику, когда закрылась дверь за старостой, и давай признавать, что говорилъ Пильванъ, не манилъ ли онъ лукаво въ другую избу.

— Ой, Ѳалалей, будешь помнить меня и мое слово, говорила жена Сень-Вань, не вѣрь старостѣ, плуть онъ, красно говоритъ, а все въ свою мошну.

Вечеръ наступилъ. Солнце долго глядѣло на Ипатьдоръ, наконецъ, видя, что все идетъ обычно, тихо спустилось на западъ за лѣсомъ сосновымъ, гдѣ-то тамъ далеко за Виледь-ю.

Но крылатая, огненная птица, заря долго еще румянилась на западѣ, вечерняя звѣзда долго еще горѣла, не рѣшаясь спуститься за елью темною. Темнѣли окружающіе страшные лѣса, и густая тѣнь ихъ заволокла деревню Ипатьдоръ. Золотой крестъ на церкви и тотъ потухъ за избою Пильваня. Звѣзды, искристыя, холодныя звѣзды зажглися высоко, высоко надъ вѣтвями вѣсковыхъ сосенъ, тамъ далеко надъ трубою сосновыхъ избушекъ одинокого села. Всѣ созвѣздія загорѣлись на куполообразномъ небѣ.. И сколько, сколько горитъ тамъ въ воздушной вышинѣ. Видно, (такъ думали и ипатьдорцы) быстро рукою невидимый хозяинъ неба зажегъ свои лучины въ разныхъ мѣстахъ, и горятъ лучины, тихо мерцающія, и горящія угольки падаютъ на землю; вотъ-вотъ въ лѣсъ одинъ уголекъ упалъ, и свѣтло, и свѣтло въ вышинѣ. Небесному отцу подражая, и мужички, вернувшись съ работы, съ ближнихъ и далекихъ лѣсовъ и горъ, зажгли свои огни въ теплыхъ избушкахъ и сѣли мирно за ужинъ.

Теплымъ паромъ повѣяло по деревнѣ: бани топились тамъ и

сямъ, призывая къ наслажденію ипатьдорцевъ, къ теплымъ и холоднымъ струямъ свѣжей воды и къ раскаленной печкѣ, сложенной изъ округленныхъ песчаниковъ, и на горячіе, пріятные для тѣла, нары. И шли мужики, и бабы, и дѣти за ними. Ароматные, огромные вѣники были въ ихъ рукахъ. Раздѣлись, вошли. Нагрѣлись, размякли душистые вѣники. Ахъ, какъ сладко, какъ пластырь цѣлебный, какъ воздухъ весенній, какъ солнце ясное короткаго лѣта, касаются утомленнаго тѣла мягкіе, ароматные, паромъ обдающіе вѣники! И шумъ, и говоръ, и бодрость, и шутки веселыя въ баняхъ.

Вотъ Пильвань моется и парится, лежа на нарѣ, и Фалалей съ нимъ и домочадцы. «Парься, парься, Фалалей, иди сюда, здѣсь слаще». «А ты, Петруша, поддай». Одинъ и другой ковшикъ ключевой воды бросается на горячіе камни. Огнедышашій жаръ разливается по черной, маленькой банѣ. Корчится Фалалей, падаютъ домочадцы, подростки на полъ. Безконечно наслаждается Пильвань и бьетъ себя немилосердно огромнымъ вѣникомъ, образуя горяшій вѣтеръ около себя, какъ самумъ.

— «Мойся, мойся, Фалалей», говоритъ онъ сладострастно. И моется Фалалей и парятся домочадцы, и весело на душѣ, и сладостный жаръ доходитъ до сердца. Тѣло горитъ, омолодѣла душа. Тихо идутъ Пильвань съ Фалалеемъ, идутъ босые, въ одной рубашкѣ по голому снѣгу; морозъ пріятно и сладко щекочетъ ихъ, а звѣзды ласкаютъ ихъ взоръ. Идутъ, вонъ въ сѣни вошли, сѣни скрипятъ, въ избу вошли, самоваръ у печки, паръ клубомъ валитъ, онъ поднимается до потолка и вьется тамъ въ вышинѣ. Холодное пиво своей варки, черное, крѣпкое въ блестящей ендовѣ налито на столѣ. Садятся къ столу староста съ рѣщикомъ, и тихо разговариваютъ, и чешутъ большими гребнями сырые волосы.

— «Идите, бабы, мыться, идите, а мы по рюмкѣ хватимъ». И настойку вынимаетъ изъ шкапа Пильвань, настойку съ горькимъ перцемъ. Выпили. Ахъ какъ жжетъ, какъ горячо, какъ будто огонь, а не вино выпили они. Заискрились глаза, бесѣда полилась о жизни, о смерти, о богѣ, о землѣ, объ урожаяхъ, о рѣкахъ, о сѣнѣ, о дровахъ, и жизнь кругомъ, и жизнь на небѣ и на землѣ. Наливаетъ Пильвань, пьетъ Фалалей, бороду гладитъ Пильвань, ногой качаетъ Фалалей. Пьютъ они чай, изъ Устюга привезенъ этотъ ароматный чай. Потъ льется десятый разъ и нѣтъ конца ничему. Гладитъ Пильвань Фалалея по плечу и по спинѣ.

— Атто, какой человекъ ты, Пильвань, — говорить Оалалей. Длится вечеръ, звѣзды горятъ, жизнь кипитъ въ сердцѣ новыхъ друзей, нѣтъ не кипитъ, а тихо течетъ, широко и глубоко, но спокойно, какъ воды великихъ рѣкъ, текущихъ мирно по сѣверу далекому между дремучими лѣсами...

## II

### Какъ охотничали дѣти Пильваня?

Кромѣ дочери, золотокудрой Наташи, и маленькихъ сыновей, никого не было дома у Пильвань. Три старшихъ его сына—Максимъ рыжий, Пиля—заика, Демить хромой—давнымъ давно, ранней осенью, какъ только съ неба выпалъ первый снѣгъ на замерзшую землю, отправились вмѣстѣ съ другими ипатьдорскими охотниками, взявши длинные норты, въ далекіе лѣса на охоту, повѣсивъ на себѣ прутья изъ свинца (изъ чего они себѣ дѣлали пули) и доморошенныя кремневая пищали. Въ ста верстахъ отъ деревни и отъ всякаго жилья въ лѣсной избѣ жили они, въ охотничьей избѣ съ каменной печью и съ нарами. Тамъ проводили они глубокія ночи. При синихъ сумеркахъ выходили оттуда и отправлялись на быстрыхъ лыжахъ въ разныя стороны въ дебри густыя. Отыскивали они слѣды (между густыми вѣтвями) зайцевъ, лисицъ, соболей и горностаевъ. Слѣдили за сѣрой векшей (или красной бѣлкой), не сидитъ ли она на вѣткѣ, взявши въ переднія лапы сосновую шишку и щелкая зубами сладкіе орѣхи. Ихъ маленькія собаки съ короткими хвостами, завернутыми въ кольцо, бѣгали взадъ и впередъ, вынюхивали страстно каждый кустикъ, каждую вѣточку, каждую тропинку. То тамъ полаютъ онѣ, то ужъ въ другомъ мѣстѣ лай раздается. Охотники чутко прислушиваются, какъ лаеетъ собака, на бѣлку ли, на зайца, на волка или на медвѣдя и, слыша, что лай бесполезенъ, кличутъ: «тѣт, тѣг». Собаки быстро прибѣгаютъ, и вновь еще быстрѣе убѣгаютъ.

Бодростью, свѣжестью и холодомъ вѣютъ сосновые лѣса и чаши еловыя. Румянецъ играетъ на щекахъ у охотниковъ.

Куртки и лазы покрыты инеемъ и снѣгомъ, четырехугольныя шапки изъ самотканнаго бѣлаго сукна, какъ комки снѣга... Идутъ охотники, упираясь копьями правой рукой, лѣвая ихъ держитъ рукоятку ножа.

Вотъ собака сильнѣе залаяла: «видно, бѣлку нашла». Летитъ одинъ изъ нихъ, узнавши свою собаку, видитъ между вѣтвями сѣрую векшу, на бѣгу схватываетъ пищаль... Тихо. «Тѳт, тѳт». Взявши копые въ лѣвую руку и поставивъ его прямо, приложилъ пищаль (на руку) къ копыю и прицѣлился. «Хлопъ», и валится бѣлка, какъ клубокъ къ ногамъ собаки. «Не тронь, нельзя», говоритъ охотникъ и кладетъ бѣлку въ синій лазъ...

Величавое солнце катится по небу между гигантами деревьями. Легкій шумъ раздается въ сѣни лѣсной. Гдѣ-то токаетъ тетерь, гдѣ-то пискнула какая-то птичка... Трескъ упавшей высохшей вѣтви... Гдѣ-то выстрѣлъ раздается въ морозномъ воздухѣ.

Солнце закатилось, румяная заря (широкой лентой) освѣщаетъ западное небо, ярко вырисовываются ближніе и дальніе лѣса на пурпурномъ фонѣ вечерняго неба. Быстро темнѣетъ, и страшныя тѣни наполняютъ лѣсъ.

Вой волковъ слышенъ вдали... Охотники, нагруженные добычей, идутъ съ разныхъ сторонъ въ охотничью избу... Будетъ разговоръ о подвигахъ, о чутьѣ собакъ, о порчѣ пищали колдунами, о заговорѣ, о неизвѣстныхъ людяхъ, встрѣченныхъ внезапно.

Старшій сынъ Пильвана, раздѣвшись, тихо начинаетъ свой разговоръ. Товарищи его, хлебая сладкій юмъ (кашу), со вниманіемъ слушаютъ его.

«Сегодня, подъ вечеръ, прохожу я мимо холма, скользко, на силу на лыжахъ поднимаюсь отъ замерзшаго ручья, который возлѣ холма вьется, гляжу—огромная пихта съ оттаялымъ бокомъ. «А-а!» думаю, и собаку свою задержалъ: «подожди, сѣрко! Подожди, не лай!» И псвернулъ, обратно скатился я съ холма, ставя знаки на деревьяхъ угломъ топора. Завтра идемъ». Братья умолкли. Веселье замерло на устахъ, и звонкій смѣхъ прекратился у бодрыхъ охотниковъ. Всѣ догадались, что «рыжій» видѣлъ берлогу медвѣдя, но ни одинъ не проронилъ ни одного слова.

Рано легли братья спать, наладивъ копыя на длинные шести, отточивъ ножи, топоры, они молча уснули... На другой день до восхода солнца, гурьбой, одинъ за другимъ отправились по знакамъ Максима къ медвѣжьей берлогѣ. Быстро скользили лыжи по бѣлымъ сугробамъ, ловко проскакивали братья между дремучими вѣтвями въ непроходимыхъ чашахъ, опираясь правой рукой на длинныя копыя, лѣвой придерживая ружье и ножъ за поясомъ.

— Вотъ тутъ, — тихо сказалъ «рыжій», указывая на холмъ. —

Собаки бѣгали взадъ и впередъ, не зная въ чемъ дѣло, онѣ еще молчали, не слышно еще было духа медвѣжьяго.

Братья окружили берлогу. Двое стали у входа и выжидали, какъ проснется «лѣсной человѣкъ»; а младшій Алексѣй тыкалъ копьемъ, желая разбудить его отъ зимней спячки.

Собаки вдругъ залаяли съ ужасной яростью и съ отчаяніемъ и стали рвать землю. «Видно перевернулся старикъ на другой бокъ, собаки почуяли запахъ». Скоро услышали охотники глухой ревъ въ землѣ и рычаніе.

Максимъ съ Иваномъ прицѣлились. Еще нѣсколько мгновений и быстро выскочилъ медвѣдь. Грянулъ выстрѣлъ. Медвѣдь не упалъ. Онъ налегъ на Максима, тотъ ударилъ его копьемъ, быстро схватилъ медвѣдь копые, вырвалъ его изъ рукъ «рыжаго» и раздробилъ его въ щепки въ одно мгновеніе. Затѣмъ съ ревомъ бросился онъ на охотника и схватилъ его за плечи. Медвѣдь былъ много выше Максима. Огромная голова его высилась надъ головою человѣка, пасть его была широко открыта.

Максимъ вынулъ острый топоръ изъ-за пояса и, отступивъ два шага, ударилъ медвѣдя по головѣ. Послѣдній лапой отразилъ ударъ, а топоръ отлетѣлъ далеко и завязъ глубоко въ снѣгъ. За ухо взялъ «рыжий» его, но былъ опрокинутъ лѣснымъ борцомъ. Лыжи перевернулись, вывихнувъ ногу сыну Пильвана.

«Ну, полно, полно», говорилъ Максимъ, когда медвѣдь сталъ кусать ему руки и грудь. Изловчившись, смѣлый охотникъ руку просунулъ ему въ ротъ и взялъ медвѣдя за язычекъ. Послѣдній моталъ головою, не зная, что дѣлать. Вся эта борьба произошла въ одно мгновеніе, и братья насилу опомнились и, наконецъ, бросившись на медвѣдя, сзади стали рубить его гопорами. «Перестаньте, что вы, испортите шкуру»,—закричалъ Максимъ изъ-подъ медвѣдя... Подождите, я самъ справлюсь. Онъ вытащилъ острый ножъ лѣвой рукой изъ-за пояса и ударилъ медвѣдя въ бокъ. Ужасно заревѣлъ медвѣдь, глаза его помутились и грохнулся онъ съ Максима на окровавленный снѣгъ. Братья съ трудомъ подняли сына Пильвана, у котораго ноги были завязаны къ лыжамъ. Пока снимали шкуру съ медвѣдя, солнце поднялось изъ-за деревьевъ и озарило на бѣломъ снѣгу голое тѣло медвѣдя. Какъ человѣкъ, лежалъ онъ на животѣ, растянувшись по снѣгу.

«Другъ ты мой,—говорилъ Максимъ, любуясь медвѣдемъ,—по Божьему повелѣнію далъ ты намъ шубу свою, съ честью будемъ мы ее носить... Не сердись на насъ... Голубчикъ, лѣсной ты чело-

вѣкъ!» «Давайте вѣтвей сюда, мы прикроемъ его хвоей и снѣгомъ, пусть дольше не найдутъ хищные вороны и голодные волки лѣснаго старика».

Ушли охотники. Остался медвѣдь лежать подъ вѣтками еловыми въ дремучемъ бору. Сегодня ужъ не увидитъ онъ, какъ солнце закатится за сосѣднимъ ручьемъ, и весна начнется вскорѣ не для него. Ужъ не понюхаетъ сладостнаго воздуха лѣса, выйдя изъ берлоги, лѣниво вытягиваясь и зѣвая, и не побѣжитъ болѣе, бодрый, ломая деревья, къ селу Ипатьдоръ, гдѣ такъ вкусны коровки и лошади не хуже.

Такъ охотничали въ дремучемъ лѣсу Ипатьдорцы и дѣти Пильвана отъ темной осени до яркой весны.

### III

#### Жизнь въ Ипатьдорѣ

Зима приходила къ концу. Вчера въ полдень уже наблюдалъ черноволосый колдунъ Васъ на волоку къ Проньдору, какъ стая гусей летѣла въ воздухѣ. Онъ рубилъ дрова и сѣлъ на пень сдѣлать сигарку, смотритъ: на небѣ какъ бы двѣ ленты подъ угломъ движутся куда-то. Немного погодя трубные звуки услышалъ Васъ Морошкинъ.

«А это вѣдь гуси!» сказалъ онъ: «значитъ дѣло къ веснѣ, пора, пора, давно соломой кормлю своихъ коровъ».

Самъ Пильвань тоже сталъ замѣчать приближеніе весны. Онъ недавно сказалъ своей женѣ, Настасьѣ, женщинѣ пухлой, добродушной, хозяйственной и послушной: «ты вотъ сообрази, Настасья, солнце раньше выходило изъ-за дома силача Алексѣя, а теперь, гляди, оно восходитъ изъ-за Гаврилы охотника, раньше оно заходило за домъ Ивана Макарова, а теперь за избу Степана Соловья». «Да ужъ весна скоро», прибавилъ Пильвань: «облака стали другія на небѣ, даже въ это окно вотъ видать, бѣлыя облака приходятъ съ юга».

— Пора бы ужъ веснѣ, многіе больно маятся по деревнѣ,— отвѣчала мужу Настасья.—Этта опять приходила вдова Матрена, нечего говорить ѣсть, да и Пронь тоже надоѣдаетъ все безъ тебя, а Анисья мнѣ сказывала, что хлѣба у рыжаго Федора хватить только на недѣлю, у Степана Соловья на мѣсяцъ, у Васьки Морошкина недѣли на три, у Сень Вань на 1½ мѣсяца». Тутъ

Настасья перечислила всѣхъ крестьянъ Ипатьдора; вчера это узнала она отъ вдовы Анисьи.

— Богъ поможетъ какъ-нибудь, весна вотъ близится...

— У меня еще другое горе есть, Иванъ Филиппевичъ, — сказала робко Настасья. — Сердце болитъ изъ-за Наташи.

— А что? а что? — заволновался Пильвань.

Наташа была его единственная дочь.

Яркоружіе волосы у ней обрамляли бѣлое личико, на солнцѣ же блистали они, какъ золото. Какъ путника умиляетъ въ дремучемъ бору дикая, нѣжная роза и манить его взоръ своими алыми лепестками, такъ златокудрая Наташа постоянно приковывала думы Пильваня и его жены. Пойдетъ ли пасти овецъ на зеленый лугъ она за озимовыми полями, Пильвань нѣтъ-нѣтъ выходитъ на крыльцо посмотрѣть, гдѣ и какъ она, а если она ушла съ бѣлошерстными овцами туда поближе къ лѣсу и не видно ея изъ окна, Пильвань идетъ какъ бы за какимъ дѣломъ по сосѣдному полю (одѣтый въ бѣлую рубаху и шаровары), съ синимъ лазомъ на плечахъ, чтобы только убѣдиться, не ушиблась ли она. Пойдетъ ли Наташа съ подругами въ лѣсъ, чтобы принести въ туясѣ сладкій сокъ, вытекающій ранней весной изъ березы, Пильвань пошлетъ кого-нибудь изъ подростковъ сыновей туда же идти и посматривать за дочерью, чтобы что съ ней дурное не случилось.

Такъ и сейчасъ очень онъ взволновался словами жены о Наташѣ.

— Что, что случилось? — спросилъ онъ.

— Вчера вечеромъ я пошла доить корову, — говорила Настасья, — и Наташа со мной, подошла къ лозанкѣ, она какъ бросится на дочурку, насилу на лѣстницу выбралась... Изъ дому-то ее гонять коровы. Замужество видно, Иванъ Филиппевичъ, самъ знаешь. Надняхъ тоже сѣрая кура въ сараѣ вдругъ запѣла пѣтухомъ; Анисья говорить, что выйти Натальѣ замужъ. А сама Анисья замѣтила, когда у насъ была: «отворяю, говорить, двери, гляжу на образы, Наташина-то икона провалилась за полочку и плачетъ».

— Этому я не вѣрю, это бабы разговоры, — твердо сказалъ Пильвань и погладилъ свою большую бороду. Я ни за кого не выдамъ ее, хоть женихи есть. Нѣтъ, еще рано. Одна дочь у меня—одно сердце. Лучше давай пеки пироги, я пойду посмотрю, какъ работаетъ у меня Ѳалалей.

Пильвань бодро вышелъ изъ дому, однако сердце у него

ёкнуло, неизвѣстно отъ чего. Онъ не былъ суевѣренъ и не былъ трусъ; что значить бояться онъ не понималъ. Когда разъ Устинья спрашивала — боится ли Пильвань въ дремучемъ лѣсу, Пильвань отвѣтилъ чистосердечно: «я, Устинья Осиповна, часто спрашивалъ, что значить бояться?.. больно, что ли, чему, али жметъ ногу, али руку..»

— Да вотъ что-нибудь покажется, говорила Устинья.

— Пусть покажется, али у насъ креста нѣтъ; онъ не можетъ взять, разъ крестъ на шеѣ, «Да воскреснетъ Богъ» прочтешь. Былъ со мною случай, говаривалъ Пильвань, иду я разъ въ Проньдоръ, рано, я шель собственно въ Придашъ, раньше погостъ-отъ у насъ тамъ былъ. Иду въ церковь рано. А въ половинѣ дороги между Проньдоромъ и Придашемъ мостъ черезъ ручей... Тамъ всегда пугаетъ, рассказывали. Вотъ я къ этому мосту приближаюсь... Дѣло было въ Срѣтеніе, былъ я въ этомъ полушубкѣ. Иду быстро, тороплюсь... Смотрю, впереди человѣкъ идетъ, высокій и тоже въ полушубкѣ. Ну! думаю, товарищъ идетъ, дай догоню. Прибавляю шагъ. Нѣтъ не могу нагнать, да и не отстаю. Эй, пріятель, говорю, подожди, не оглядывается... Пристальнѣе смотрю, а уже свѣтало на волоку, такъ сине-бѣлый свѣтъ падалъ на дорогу; гляжу, человѣкъ ростомъ больно великъ, думаю, это силачъ нашъ Алексѣй, больше некому быть... Смотрю, дорога круто повертываетъ мимо елей, гляжу, онъ не ниже молодой сосны.. У! ты! думаю. Онъ выше Алексѣя, ну дѣлать нечего, кричать не сталъ, иду за нимъ, и онъ идетъ, не оглядываясь. Дошли до мосту, наклонился мой пріятель къ мосту, сгорбился и тюкъ туда... Вотъ-те на! думаю... Что же? вернуться домой не охота, да и праздникъ, тамъ у меня родня есть въ Придашѣ, братъ жены Аввакумъ Козловъ, больно ужъ звалъ меня къ празднику, «приди да приди», обѣщался; ничего, прошелъ по мосту, человѣкъ больше не показался и дошелъ я къ заутренѣ въ Придашъ.—Вотъ какъ Устинья Осиповна! Не знаю что такое боязнь, гдѣ колетъ, что ли?» — такъ говорилъ Пильвань и надо ему вѣрить, а сейчасъ сердце его вздрогнуло. «Замужъ Наташѣ, кого же Богъ пошлетъ въ женихи, за ипатьдорцевъ не выдамъ, нѣтъ», и съ этими мыслями вошелъ онъ въ домъ Анисьи-вдовы, гдѣ жилъ Фалалей съ семействомъ.

Окна квартиры рѣщика глядѣли на югъ и на бѣлую церковь за озимовыми полями. Каждый день румяная заря и багряное солнце озаряли рано утромъ семейство Фалалея, и онъ, вставая,

будиль своего Елезара: «Елезаръ, вставай, долго спишь—обѣднѣешь». Елезаръ вставалъ и садился за часословъ, а Ѳалалей вырѣзывалъ рѣзвы, строгаль колонны, склеивалъ арки. Устинья возилась около печки.

Когда входилъ Пильвань, Елезаръ читалъ сквозь слезы, уже утомленный.

«Вѣди да ять, вѣ да рцы, да у, ру, да ю, вѣрую». Длинная вица у потолка (за мѣтицей), на которую онъ поглядывалъ иногда, будила его рвеніе къ ученью и отгоняла усталость.

— Здорово, Ѳалалей Ивановичъ, Богъ на помощь!—привѣтствовалъ Пильвань рѣщика.

— А, Иванъ Филипьевичъ,—поднимая голову отъ работы, отвѣтилъ рѣщикъ,—«нужна помощь, безъ Бога ничего не выйдетъ».

— Пильвань небось не спитъ, ужъ на работу собрался въ шубѣ и въ шапкѣ,—тараторила у печки Устинья, дѣлая ячменные хлѣбы.

— Ужъ арки дѣлаешь, Ѳалалей Ивановичъ,—говорилъ Пильвань, сядя на лавку около верстака, а Ѳалалей рукой гладилъ работу и глядѣлъ на старосту: «да, вотъ пробую, что-нибудь выйдетъ ли, вотъ склеилъ».

— Диво,—продолжаетъ Пильвань,—какіе пальцы у тебя, экую арку сдѣлалъ, мы тоже люди, топорище дѣлать не умѣемъ. Эта мы съ сосѣдомъ съ Макарь Ивановъ дровни дѣлали, гнули, гнули веревкой, какъ лопнуть у насъ, чуть обоихъ не убило, а жены насъ ругаютъ...

— Зато у тебя ужъ порядокъ въ домѣ Иванъ Филипьевичъ, какая жена и дѣти какія, любо смотрѣть,—говорила льстиво Устинья.

— Нѣтъ, у меня что, вы вотъ побывали бы у силача Якова, вонъ домъ за улицей. Какая тишина въ его домѣ! Если что-нибудь сдѣлаетъ жена не по его, или сынъ, или невѣстка, всѣхъ привяжетъ веревкой къ голбцу, а самъ поѣдетъ за сѣномъ или за дровами въ лѣсъ. Цѣлый день до вечера голодные стоятъ тѣ у голбца въ ожиданіи страшнаго Якова. Строгъ онъ, зато порядокъ и тишина; или вотъ въ Эжолѣ въ тридцати верстахъ отъ насъ, живутъ два брата, Никаноръ и Дмитрій, жены ихъ Ѳекла и Татьяна, дѣтей восемь человекъ, живутъ всѣ въ одной избушкѣ. Тишина и порядокъ во всемъ. Какъ-то разъ поссорились изъ-за дѣтей Ѳекла съ Татьяной. Цѣлый день ругались. Мужья, Ни-

каноръ и Дмитрій, были на работѣ въ лѣсу. Поздно вернулись. Жены жалуются своимъ мужьямъ, одна плачетъ, другая скорбитъ. Ничего не сказали два брата, поужинавъ всѣ вмѣстѣ, легли спать, а на другой день съ зарею уѣхали опять въ лѣсъ. Возвращаются поздно. Еще пуще жалуются жены. «Не хочу жить съ Татьяной»;—говоритъ Ѳекла, «не хочу жить съ Ѳеклой»,—говоритъ Татьяна. Ничего не сказали Никаноръ и Дмитрій, и утромъ уѣхали рано на работу. Вечеромъ прибыли и привезли, невидимо для женъ, березовыя вѣтви съ зелеными листьями, и ивовые прутья... На чемъ свѣтъ стоитъ ругаются жены. «Бери ты мою»,—сказаль Никаноръ, «а я твою, чтобы ни которому не было обидно». Взялъ Дмитрій жену Никанора, Никаноръ жену Дмитрія. Да какъ начали сѣчь... Визжитъ Ѳекла: «ой больше не буду», причитываетъ Татьяна, подпрыгивая: «ой больше не буду». Долго поработали два брата, въ лоскъ уложили... И что же вы думаете, двѣнадцать лѣтъ живутъ вмѣстѣ, тишина! Тишь и гладь, Божья благодать... «Ѳекла Ивановна, Ѳекла Ивановна»,—зоветъ постоянно Татьяна; «Татьяна Парамоновна, Татьяна Парамоновна», кличетъ Ѳекла... Согласіе, любовь, расположеніе. Вотъ это порядокъ, Ѳалалей Ивановичъ.

— Слышь, Устинья, — говоритъ Ѳалалей.

— Слышу, а ты ногами-то не шевели, сидя на верстакѣ, не забывай работу, да угощай Ивана Филиппевича, я вотъ самоваръ поставила съ горячими угольями».

Мирно идутъ дни въ блаженномъ Ипатьдорѣ. Каждый день солнце восходитъ изъ-за Пожогъ-ю, и заходитъ за Вилядь-ю. Каждый день въ тишинѣ лѣсовъ или по деревнѣ работаютъ Ипатьдорцы среди сугробовъ, на мягкомъ снѣгу. Хорошо на сердцѣ и у силача Алексѣя, и у сурового, властнаго Якова, и Марка—Ивана, благодушнаго старца, и у Сень—Вань, и у Соловья.

Хорошо чувствуютъ себя и Пильвань съ Ѳалалеемъ. Только одна забота у всѣхъ, чтобы весна скорѣе пришла, эта печаль всѣхъ сѣверянъ, потому что они не могутъ быть безъ свѣта, «жить безъ солнца невозможно». Всѣ поглядывали на небо, по лицу его судять о временахъ года.

Весна дѣйствительно начиналась. Пришедшіе изъ лѣсовъ дровосѣки заявили, что проталинки на холмахъ оголѣли отъ снѣговъ, что ручьи просыпаются и начинаютъ свои весеннія звонкія пѣсни, полная чарующихъ звуковъ; красные клесты и темногрудые шуры звонко запѣли въ густыхъ ельникахъ; рябчики, тетерева собира-

лись стаями и самцы на виду у самокъ вступали въ веселый бой на тающемъ снѣгу между высокими соснами, и между кустиками ивовыми и раскидистыми можжевельниками... Медвѣди выходили изъ своихъ берлогъ, зайцы забѣгали около села.

Солнце поднималось все выше и выше, укорачивалась полдневная тѣнь.

За солнцемъ съ юга полетѣли на сѣверъ сѣрѣя утки длинными стаями, черными лентами на небесномъ сводѣ гуси, и бѣлые лебеди. По утрамъ и журавли съ трубными звуками пролетали надъ Ипатьдоромъ.

Ласточки двоехвостныя давно уже поселились подъ крышами Ипатьдорцевъ... Воробьи стаями прыгали по деревнѣ... Нѣтъ, скоро весна, что и говорить...

Ужъ охотники прибывали изъ далекихъ лѣсовъ на весенній отдыхъ. Дѣти Пильванъ возвратились съ огромной добычей.

#### IV

#### Свадьба у Пильваня

«Пильванъ дочь свою выдаетъ, у Пильваня свахи», пошла молва по деревнѣ. Да вѣрно, пришли свахи изъ Придаша. Степанъ Васильевичъ Парамоновъ сватается, сынъ торговаго крестьянина. Хорошій женихъ, человекъ бывалый, шеголь и хватъ, рѣчистъ и въ дѣлѣ никому не уступить. Женихъ завидный. Долго не уступалъ Пильванъ, но женихъ на все былъ согласенъ, онъ готовъ былъ покинуть Придашъ и жить въ Ипатьдорѣ у Пильваня. Какъ бы то ни было, дѣло клонилось къ свадьбѣ.

Да, да, золотокудрая Наташа — невѣста. Любъ былъ ей женихъ, что говорить: аккуратный, сложенъ хорошо, красивъ, бѣлокурые волосы, какъ ленъ, глаза, какъ васильки.

Но все же грустно Наташѣ, очень грустно. Идетъ она въ свою горенку, глядится въ зеркало, на золотые волосы свои — и плачетъ, и плачетъ неизвѣстно отчего. Скосятъ ее, какъ цвѣтокъ полевой, оторвутъ ее отъ семьи, какъ молодую вѣтку зеленой березы, скоро увянетъ она въ замужествѣ, какъ земляника осенней порою.

Пильванъ слѣдитъ за дочерью.

Онъ не хочетъ, чтобы она плакала. Входитъ въ горенку. «Ты и не думай плакать, нѣтъ, отъ себя не отпущу, будешь жить у меня, хватить мѣста въ моихъ хоромахъ...»

Глядитъ Наташа въ окно. Уже озимовыя поля выглядываютъ изъ-подъ тающихъ снѣговъ. «Кто же будетъ пасти моихъ милыхъ овецъ на зеленомъ лугу? Уже не пойду я съ ними къ отдаленному лѣсу, къ холоднымъ струямъ Пожогъ-ю. Умолкнетъ моя пѣсня въ хороводѣ, ужъ не пойду я съ рѣзвыми подругами за сосновый боръ ранней весной на берегъ темнаго озера принести сладкій сокъ молодой березы...»

Но кто же это тамъ на крыльцѣ?

Вотъ онъ снялъ оленью шапку, бѣлые волосы разпались по плечу. Какой статный молодецъ, опоясанный зеленымъ красноборскимъ кушакомъ. Вотъ онъ кланяется Пильваню. Посмотрѣлъ на окна горенки Наташи, улыбка свѣтлая на лицѣ, кроткій взглядъ. Это женихъ, самъ Степанъ Васильевичъ изъ погоста Придаша.

Затрепетало сердце Наташи, какъ птичка въ клѣткѣ, пойманная ловкимъ мальчишкомъ птицеловомъ въ силки изъ конскихъ волосъ.

Наташа отошла отъ окна и сѣла въ темный уголь.

Быстро обернули дѣло ловкія свахи за хорошіе подарки. Посланцы уже отправились во всѣ стороны отъ Пильваня. По берегамъ рѣкъ—Пожогъ, Вычегда, Вымъ и Вишера. «Зоветь де Пильвань земляковъ и знакомыхъ на свадьбу, выдаетъ свою единственную дочь замужъ, золотокудрую Наташу».

Послушались земляки, съ радостью получили вѣсть знакомые... и идутъ со всѣхъ сторонъ на знаменитую свадьбу.

Панюковъ собрался изъ Вишеры на лыжахъ, взявши въ правую руку охотничье копье. Давно не видалъ Ипатьдорскаго старосту, будетъ у него разговоръ съ нимъ о жизни, объ охотѣ. «Заткну я тамъ всѣхъ за поясъ въ спорѣ и въ рѣчахъ, оборву ихъ на каждомъ словѣ», думаетъ Панюковъ и по лѣснымъ сугробамъ между рѣчками Вымъ и Вишера направляетъ свой путь.

Съ берега быстротекущей Выми собрался колдунъ Тювѣ, знаменитый коноваль во всей окрестности. «Въ заговорахъ всѣхъ запрю тамъ на свадьбѣ у Пильваня, а знахарей разныхъ поставлю по задворкамъ и за амбарами, пусть знаютъ всѣ Тювѣ по всей землѣ».

Изъ деревни Шила поднялся старикъ Софронъ съ домочадцами. Заячью шапку надѣлъ онъ на голову, а на плечи длинный, бѣлый, самотканый азямъ. Его пронзительные, темные глаза еще болѣе зловѣще заискрились. Его взглядъ приводилъ въ ужасъ всѣхъ своихъ односельчанъ, и онъ считался великимъ чародѣемъ.

«Пойду на свадьбу, посмотрю, кто со мною сразится силою взгляда и у кого крѣпче заговоръ, чѣмъ у Софрона изъ Шилы, у котораго глазной ангелъ вверхъ ногами (по мнѣнію Зырянъ у каждаго въ глазу есть маленькій ангелъ, у сильныхъ колдуновъ онъ стоитъ вверхъ ногами)».

Изъ Небдина съ Верхней Вычегды богачъ Трофимъ собрался, онъ оставилъ свой двухэтажный домъ, окрашенный въ зеленую краску, и съ женой своей, толщиною въ пивной чанъ, и съ прекрасной дочерью, какъ алый цвѣтокъ шиповника на далекомъ сѣверѣ, отправился въ Ипатьдоръ на свадьбу знаменитаго Пильваня. «Ужъ такого богача, какъ я, тамъ не будетъ никого... Такихъ мѣховъ уже не найдется ни по Сысолѣ, ни по Вычегдѣ, какіе на моихъ плечахъ».

Игрокъ на гармоникѣ, Василій, сынъ Өалалея, вышелъ изъ Вильгорта, взявши двурядную гармонику. Когда онъ игралъ, воронъ останавливалъ свой летъ, говорили въ народѣ, и кружился надъ его головою, а волки и лисицы на волоку гнались за нимъ. Вышелъ онъ изъ Вильгорта, на свадьбу Пильваня и заигралъ на гармоникѣ. Идетъ, отважно шагая, уши у него движутся вверхъ и внизъ въ тактъ съ музыкой отъ сладкихъ звуковъ звонкой гармоники.

«Заплачутъ тамъ, какъ заиграю, день смерти и рожденія всякій вспомнить».

Идутъ гости со всѣхъ сторонъ, приближаются къ Ипатьдору. Солнце замедляетъ свой бѣгъ по небу голубому. Дни удлиняются, чтобы Пильваня лучше могъ приготовиться къ свадьбѣ. Ласточки и голуби стаями летаютъ надъ домомъ старосты. Двери открыты настежь у Пильваня.

Для почетныхъ гостей столы готовятъ въ его новой избѣ, а для менѣе извѣстныхъ въ жилой половинѣ Анисьи. Дѣти Пильваня везутъ изъ города вятское вино въ боченкахъ и устюжскіе пряники, рыбы разныхъ родовъ, привезенныя съ глубоководной Печеры, текущей съ Уральскихъ горъ къ сѣверному морю. Почти всѣ жители Ипатьдора были приглашены къ свадьбѣ. Пильваня забылъ всѣ обиды. Страшный Сень Вань съ трясущейся головою и низкорослый Тимка, и колдунъ Васъ, и силачъ Яковъ, и великій Алексѣй, и Соловей, и благодушный Макарь—Иванъ, Өалалей съ Устинѣей, — всѣ были на праздникѣ и не выходили изъ избы Пильваня.

Уже послѣдній день дѣвической жизни проводитъ сегодня

Наташа. Рано утромъ при восходѣ солнца при пѣннѣ дѣвицъ—подругъ мылась она въ чистой, ароматной банѣ и пролила горькія слезы на горячіе нары... Прекрасный, солнечный день скатился и начался вечеромъ дѣвичникъ въ своемъ буйномъ веселіи.

Народу было много, такъ что не могли помѣститься въ просторныхъ хоромахъ Пильваня. Молодые люди и дѣвицы составили хороводъ. Слѣпой Карпъ изъ Проньдора игралъ на гармоникѣ, удивляя всѣхъ быстрою пальцею и дивными созвучіями. Но вотъ усталъ онъ, и Васъ изъ Вильгорта заигралъ. Умолкъ шумъ народа, дѣвы прекратили свое пѣніе, гости прекратили на поль-словѣ свои рѣчи...

Новые звуки полились въ души Ипатьдорцевъ, раздались въ стѣнахъ Пильваня неслыханныя созвучія. Въ это время староста съ рѣшикомъ сидѣли въ углу и пили темное, густое пиво.

Пролилъ слезы Фалалей, услыхавши звуки, уронилъ ендову на столъ Пильвань. Оба вздохнули. Одинъ о томъ, найдетъ ли онъ подряды въ будущемъ, другой о счастьѣ дочери.

Нескоро пришла толпа въ обычное веселье отъ новыхъ звуковъ игрока Васъ изъ Вильгорта.

Пляски возобновились.

Межъ тѣмъ Наташа, прикрывшись бѣлымъ платкомъ, начала причитанья. Жалобные звуки раздались въ комнатѣ. Кукушка то будто куковала, одинокая, или печальная вдовица плакалась объ убитомъ мужѣ. Такъ грустно начала свои причитанья золотокудрая Наташа.

Она сидѣла у открытаго окна въ своей горенкѣ, окруженная дѣвицами Ипатьдора и, ударяя обѣими руками въ колѣна, плакала, въ слухъ причитая каждое слово «великаго народнаго плача».

«Спасъ да Пречистая!

Пожелай мнѣ добра, пожелай

Великимъ твоимъ пожеланіемъ

Съ поверхъ головы до подножія ногъ моихъ!

Пожелай добра отъ Бога

Столько, сколько звѣздъ;

Пожелай мнѣ добра отъ востока

Столько, сколько цвѣтковъ земляники;

Пожелай мнѣ добра отъ юга

Столько, сколько на полѣ сѣмянъ;

Пожелай мнѣ добра отъ запада

Столько, сколько цвѣтковъ шиповника;

Пожелай мнѣ добра отъ сѣвера

Столько, сколько цвѣтковъ смородины;

Пожелай добра отъ земли  
 Столько, сколько зеленыхъ травъ;  
 Пожелай добра отъ воды  
 Столько, сколько плещущихся рыбъ;  
 Пожелай добра отъ лѣса  
 Столько, сколько летающихъ птицъ;  
 Пожелай добра отъ бора  
 Столько, сколько растушихъ ягодъ;  
 Пожелай добра отъ болота  
 Столько, сколько болотныхъ сосенъ.

Потомъ она обратилась къ отцу.

Свѣтлое солнце, батюшка!  
 Кормилецъ, батюшка!  
 Загорающаяся свѣча, батюшка!  
 Доброе имя мое, золотая гора моя!  
 Зачѣмъ ты меня, бѣдняжку,  
 Отдѣлил отъ своего дома-гнѣзда  
 Зачѣмъ ты меня, бѣдняжку,  
 Вырвалъ отъ свое сердца и т. д.

Устинья навзрыдъ плакала, сидя рядомъ съ Настасьей, которая отъ слезъ не поднимала головы...

Пильвань тихо утиралъ слезы и шепнулъ Өалалею: «не знаю, хорошо ли дѣлаю?»

«Какъ Богъ,—сказалъ Өалалей,—человѣкъ, и самый сильный, ничего не можетъ».

Послѣ отца и матери и всѣхъ братьевъ, заплакала Наташа для Елеазара.

Ты не знаешь моего  
 Горя гореванья,  
 Страданія, жестокаго какъ камень.  
 Куколка на-колѣнная  
 Молчанка на-ладонная!  
 Что же ты смотришь  
 Сквозь очи съ золотыми рѣсницами?

Такъ горестно куковала она въ своей комнатѣ, между тѣмъ стукъ и шумъ наполняли сѣни и другія комнаты Пильваня. Многие гости уже лежали, какъ мухи отъ ядовитаго мухомора, напившись хмельнаго вина. Тимка уже лежалъ на улицѣ, на снѣгу и храпѣлъ. А между тѣмъ веселье только начиналось, а завтра пойдетъ пиръ-горой.

Прошла ночь и день насталъ. Во всѣхъ комнатахъ Пильваня идетъ пиръ-горой. Сидитъ Наташа, молодая жена Степана Ва-

сильевича Парамонова, въ красномъ углу, сидить, потупивъ очи, а Парамоновъ ласково улыбается, глядя на гостей.

## V

**Черные вороны несчагїя посѣтили домъ старосты**

Прошли дни, мѣсяцы и годы послѣ свадьбы, которую такъ пышно отпраздновалъ знаменитый Пильвань. Закономѣрно шла жизнь въ природѣ, окружающей Ипатьдоръ, но жизнь человѣка была чревата неожиданностями.

Разъ весною въ мартѣ мѣсяцѣ сыновья Пильваня охотничали очень далеко отъ дому.

Ловъ былъ прекрасный. Съ огромной добычей вернулись дѣти Пильваня, кромѣ Максима, въ свою деревню. Длинные норты были покрыты шкурами сѣрыхъ бѣлокъ и бурыхъ медвѣдей. Максимъ рѣшился встрѣтить тамъ Пасху вмѣстѣ съ однимъ парнемъ изъ деревни Шилы, съ Василиемъ «мы еще, говоритъ, поохотничаемъ недѣли съ двѣ послѣ праздниковъ».

Однажды такъ увлеклись охотою, что рѣшились провести ночь внѣ избушки, до которой было не очень близко, и начали разводять костеръ. Максимъ отсѣкъ огонь изъ кремня желѣзомъ и зажегъ бересту, а Василій сталъ рубить сухую сосну, конду, для дровъ на всю ночь. Онъ перерубилъ сосну и хотѣлъ опрокинуть ее направо, а она, зацѣпившись о другое дерево, упала прямо на то мѣсто, гдѣ разводилъ огонь Максимъ. Дерево задѣло послѣдняго, оглушило его ударомъ и сучкомъ проломило голову. Сынъ Пильваня упалъ безъ памяти и лежалъ безъ чувствъ съ четверть часа, а Василій, какъ каменный столбъ, стоялъ въ ужасѣ. Наконецъ послѣдній пришелъ въ себя, убралъ дерево и поднялъ Максима и посадилъ въ охотничьи сани, взятыя для добычи. Когда послѣдній очнулся, тихо сказалъ: «Василій, рокъ-то нагналъ меня, жизнь-то, видно кончилась, довези меня до избушки, тамъ есть икона»... Василій, впрягшись въ сани и надѣвши лыжи, быстро зашагалъ къ охотничьей избушкѣ. Луна тихо поднялась изъ-за лѣса и освѣтила нашихъ охотниковъ. По бѣлому снѣгу быстро скользилъ Василій, а Максимъ лежалъ, какъ пласть въ саняхъ и изрѣдка издавалъ стонъ. Дошли до избушки, Василій положилъ Максима, снявши съ великимъ трудомъ съ саней, на нарѣ въ красномъ углу, головой къ иконѣ, потомъ затопилъ каменку и сѣлъ подлѣ больного.

«Ты меня закрой полотенцемъ и дай немножко воды... У меня жажда», сказалъ Максимъ: «я, другъ, скоро умру, продолжалъ онъ, ты закрой мнѣ глаза, и когда остыну, уйди отсюда, вѣдь ты испугаешься, иди въ какую-нибудь другую избушку къ людямъ, а я здѣсь одинъ»... Василий тихо заплакалъ на эти слова. «Пусть не плачутъ отецъ и мать, скажи, рокъ нагналъ...» были послѣднія слова Максима.

Наконецъ замѣтилъ Василий, что дыханье прекратилось у Максима, онъ тогда закрылъ ему глаза, скрестилъ руки на груди, и закрылъ лицо полотенцемъ. А самъ сѣлъ онъ у ногъ своего друга. Чувство одиночества понемногу наполняло его душу вдали отъ людей въ дремучемъ лѣсу. Еще разъ посмотрѣлъ онъ на Максима, прикоснулся рукой къ его рукѣ, и замѣтилъ, что тѣло Максима остываетъ; взявши шапку, ружье, онъ тихо вышелъ изъ избушки и направился на лыжахъ куда-нибудь въ другую охотничью избушку. Луна тихо плыла по небу и серебрила бѣлые холмы, покрыты снѣжной пеленой. Все было тихо и величественно между столѣтними деревьями, они молчали или только чуть шептались о тайнахъ жизни и смерти.

Пильвань, съ золотыми, несѣдѣющими волосами старикъ, узналъ о смерти сына въ тотъ моментъ, когда онъ починалъ сани на дворѣ. Выслушавъ извѣстіе, принесенное однимъ охотникомъ изъ Проньдора, онъ сѣлъ на скамейку и сказалъ: «Богъ-то видно можетъ».

Потомъ ничего никому изъ домашнихъ не говоря, только шепнувши два слова сосѣду Егору, запрягъ карую лошадку и уѣхалъ вмѣстѣ съ Егоромъ въ лѣсъ, взявши съ собой лыжи. Нѣсколько разъ прослезился онъ въ лѣсу, отворачиваясь отъ сосѣда и не говоря ни слова. Про себя онъ шепталъ: «Максимъ, Максимъ, мнѣ бы надо умереть, а не тебѣ!»

Доѣхавши до конца лѣсной дороги, онъ надѣлъ лыжи, а лошадку съ Егоромъ отправилъ обратно домой.

Онъ дошелъ до охотничьей избушки, гдѣ лежалъ Максимъ. Вымылъ его снѣжной водой, вырылъ маленькую могилу и похоронилъ подъ сосной.

Неизвѣстно, былъ ли это протестъ огорченной души противъ Бога, или выраженіе любви къ тому мѣсту, гдѣ скончался сынъ (или это былъ безумный порывъ старика похоронить его вдали отъ кладбища, отъ мертвой толпы людской), какъ бы то ни было, Максимъ схороненъ былъ отцомъ въ дремучемъ лѣсу, и вѣковая

сосны до сихъ поръ шумять надъ нимъ, и красные клесты поютъ на вѣтвяхъ ихъ радостныя пѣсни могучему охотнику, любимцу лѣсовъ.

Что же старуха мать сказала, когда узнала о смерти сына? Зачѣмъ это намъ знать, зачѣмъ описывать глубокую печаль, если у насъ нѣтъ въ запасѣ слова утѣшенія? Молчить же природа о прошедшихъ страданіяхъ человѣка, ей ли бы ужъ не знать скорбь міра во всѣхъ ея видахъ, но она молчитъ, и каждое утро снова радостно улыбается утренней зарей и желаетъ намъ доброй ночи въ каждый вечеръ, тихо улыбаясь румяною зарею заката.

Будемте природѣ подобны, друзья, и будемъ рассказывать о скорбяхъ только тѣхъ, которые мужественно переносятъ удары случая и насъ научатъ быть равнодушными къ страданіямъ.

Черные вороны стали летать надъ домомъ старосты Ипатьдора. Бѣда за бѣдой обрушились на голову Пильваня, пришла въ гости одна печаль въ темномъ одѣяніи, а за ней другая вся въ черномъ.

Пропалъ безъ вѣсти его зять, Степанъ Васильевичъ Парамоновъ. Тоскуетъ златокудрая Наташа, ломаетъ руки и слезы проливаетъ въ домѣ отца своего Пильваня, куда она пришла съ чернымъ извѣстіемъ, великимъ горемъ.

Въ чемъ же дѣло, какъ же случилось это?

Такъ и случилось, и очень просто.

Степанъ Парамоновъ выпивалъ послѣднее время. Онъ на дняхъ отправился въ Сейты, чтобы собрать тамъ долги свои кое-у кого изъ крестьянъ. Всѣ видѣли, какъ онъ въ суконномъ армякѣ, опоясанный краснымъ кушакомъ и съ бутылкой въ рукѣ вошелъ тропинкой въ дремучій лѣсъ. А дальше его никто не видалъ. Жена его ждала день и другой, нѣтъ Парамонова. Справились черезъ знакомыхъ, былъ ли онъ въ Сейтѣ Не былъ, и въ Придашъ не вернулся. Пошли искать его народомъ черезъ недѣлю по всему лѣсу между Сейты и Придашъ, нигдѣ не нашли никакого намека на то, чтобы проходилъ или лежалъ Парамоновъ. Нѣтъ человѣка нигдѣ. Вопли жены огласили домъ, полный дѣтей, вздохи сосѣдей — ничего не помогло. Нѣтъ и нѣтъ Парамонова, такъ и до сего дня. Не выдержала двойного удара судьбы жена Пильваня, она умерла и похоронена на новомъ кладбищѣ около новой церкви. Быстро жизнь повернулась въ домѣ Пильваня. Сыновья старосты захотѣли раздѣлиться и жить отдѣльно со своими семьями. Пильванъ подарилъ имъ каждому по дому. Онъ

остался одинокъ. Вотъ теперь-то рѣшился постранствовать, побывать въ городѣ, посѣтить рѣщика Фалалей въ селѣ Вильгортѣ.

Настала весна. Солнце сіяло на небѣ надъ селомъ Вильгортомъ.

Рѣщикъ Фалалей сидѣлъ у окна и думалъ о новыхъ подрядахъ. «Вотъ снѣгъ растаетъ, посѣю ячмень, и опять на работу. Часовенку будемъ дѣлать въ селѣ Ыбѣ».

Пока такъ размышлялъ Фалалей, а Устинья около печки хлопотала, собирая обѣдать, Елеазаръ же висѣлъ на краю палатей, между тѣмъ къ дому рѣщика подходилъ какой-то рыжій мужикъ. На головѣ у него синяя шляпа, на полушубкѣ кожаный лазъ; челоуѣкъ былъ въ синихъ шароварахъ, а ноги обуты въ длинные съ красными вышивками чулки и кожаные коты.

«Кто это, Устинья, идетъ къ намъ въ синей шляпѣ и съ палкой?» спрашиваетъ Фалалей. Устинья взглянула. «Охти, батюшки мой, да это, знаешь, никто, какъ изъ Ипатьдора Пильвань, право, онъ и есть, ты слѣпой, ничего не видишь!» Вѣрно. Это былъ Пильвань.

Вошелъ онъ въ избу и, низко нагнувшись, прошелъ подъ палатами, снялъ шляпу, помолился иконамъ, положилъ посохъ на лавку. Все это неторопливо, а хозяйинъ съ хозяйкой глядѣли на гостя, говоря: «милости просимъ, милости просимъ, отдохни, согрѣйся, вотъ ужъ не думали, не гадали!»

«Живете-можете, Фалалей Ивановичъ, Устинья Осиповна», сказалъ Пильвань, кланаясь хозяевамъ.

— Аттö, Иванъ Филипьевичъ, это ты къ намъ пожаловалъ, говорилъ рѣщикъ, цѣлуя его. Пильвань и Фалалей оба прослѣзились. «Садись, садись, отдохни».

Устинья, растерявшись, скороговоркою произнесла: «Иванъ Филипьевичъ! Сердце, видно, чувствуетъ же. Я говорила Фалалею,—гость придетъ къ намъ. Сейчасъ въ окно увидала, я сразу узнала, а Фалалей-то у насъ, совсѣмъ какъ слѣпой».

Гость сѣлъ къ столу, снявши полушубокъ и лазъ и смотря на рѣщика, тихо началъ:

«Какъ то поживаешь, Фалалей Ивановичъ, все поди работаешь для Бога и для людей?»

— Да подрядикъ все есть, вотъ часовенку взяли въ Ыбу, надо будетъ, какъ снѣгъ оттаетъ, отправиться...

— Всѣ ли живы у васъ, здоровы. Гдѣ у васъ Елеазаръ.?

— Онъ на печкѣ.

— Вотъ не знаю, Фалалей Ивановичъ, подарочекъ принесъ да, ситцы на рубаху, да сапоги, не знаю по ногамъ ли будутъ, тебѣ вотъ на сарафанъ, Устинья, не осудите.

— Зачѣмъ же порасходовался, Иванъ Филиповичъ, говорили хозяева, обрadowанные и смущенные въ одно и то же время.

— Для меня вы только одни остались, сказалъ тихохонько Пильвань и прослезился.—Слышали вы?

— Охма, Охма! — говоритъ Фалалей, — тутъ недавно былъ Кирилль, такой бродяга, нищій, постоянно бродить по домамъ безъ дѣла, рассказывалъ... Мы вѣрили и не вѣрили, а всплакнули же съ Устиньей.

— Я всю ночь не спала, встала свое слово Устиньи, положивши руки на щеку и стоя у печки, всю ночь не спала и не могу забыть и никогда не забуду Настасью, какая ласковая была до меня.

— Да, Фалалей Ивановичъ, ничего мы не знаемъ, что будетъ завтра. Думалъ ли я, что лишусь сына, жены и зятя. И такъ все скоро.

Устинья собрала обѣдать... Все подробно рассказалъ Пильвань за столомъ у Фалалея, какъ странствовалъ по селамъ и деревнямъ, былъ въ Ульяновскомъ монастырѣ, былъ у начальства въ городѣ, говорилъ о дорогѣ, о проведеніи прямой дороги изъ Ипатьдора къ Устьсысольску.

«Хотѣлъ бы сдѣлать доброе дѣло, пока еще живъ, прямо отъ насъ 40 вер. до города, а кругомъ 150; да нѣтъ, начальство ничего не сдѣлаетъ».

На зарѣ въ маленькой черной банѣ мылся Пильвань съ Фалалеемъ.

— Да, говоритъ, Пильвань, поднимаясь съ огромнымъ вѣникомъ на верхнюю полку, какъ сонъ, жизнь-то наша. Былъ челоуѣкъ и нѣтъ его, былъ богатъ и бѣденъ сталъ...

— Да, въ книгѣ такъ написано,—отвѣчала Фалалей,—трудъ и болѣзнь—наше житье.

Звѣзды тихо мерцали надъ домомъ и надъ баней Фалалея. О чемъ думали—никому неизвѣстно изъ смертныхъ...

Послѣдній разъ такъ мылись Пильвань съ Фалалеемъ. Вскорѣ легъ Пильвань въ сырую землю надолго, до новыхъ міровъ изъ обломковъ земли. Фалалей еще живъ, но старъ и дряхлъ... «Скоро мой конецъ, думаетъ онъ, ужъ мало товарищей моихъ осталось,

все пошли новые люди, новые порядки». И онъ сидитъ и по пальцамъ считаетъ своихъ друзей, которые по очереди уходили въ «потусторонній свѣтъ».

Но солнце сіяетъ такъ же прекрасно надъ Ипатьдоромъ и надъ Вильгортомъ, такъ же прекрасно, и звѣзды движутся—часы небесные. Рождаются новые люди, и есть радость на землѣ. смѣна дремоты и бодроствованія наша жизнь... Онъ только одинъ, Духъ міра, никогда не спитъ, а зажигаетъ постоянно свои вѣчные огни.

# НА БОГОСЛОВСКІЙ ЗАВОДЪ

# I

Зима. Густой снѣгъ валить изъ мутнаго неба. Дороги совсѣмъ не стало видно между деревней Давпонъ и городомъ Устьсыольскомъ: она была покрыта пушистымъ бѣлымъ ковромъ безчисленныхъ рыхлыхъ снѣжинокъ.

Два мужика, Филиппъ и Василій, оба навеселѣ, насили идутъ изъ города, приближаясь къ своему селу. Филиппъ въ синей, крашениновой шубѣ. Зячья шапка на его головѣ и «баки» на ногахъ. Василій одѣтъ лучше. Свѣжій вятскій полушубокъ на немъ съ красноборскимъ кушакомъ. Валенки на ногахъ съ разноцвѣтными пятнами и узорами; на головѣ «мѣховикъ». Идутъ мужики, не чувствуютъ непогоды. Сегодня воскресенье, они въ городѣ кутнули. Василій гармонику продалъ, онъ гармонщикъ, Филиппъ кому-то нанялся сѣно возить и пропиль задатокъ. Будутъ журить бабы ихъ, но это не скоро: до деревни еще около версты.

— Вотъ у Бога какъ, Василій, вчера былъ морозъ (я былъ въ лѣсу), а сегодня тепло и снѣгъ сыплеть, какъ изъ рѣшета,—говорить Филиппъ, заплетаясь въ словахъ и съ трудомъ передвигая ноги по рыхлому снѣгу.

— У Бога-то такъ,—отвѣчаетъ Василій,—да у тебя-то иначе. Сегодня задатокъ-то пропиль. Зима только начинается, а корову уже кормишь соломой.

— Пойдемъ на заводъ,—говорить Филиппъ:—скоро «Введение», приказчикъ пріѣдетъ, денегъ привезетъ, кутнемъ и маршь... Эхъ, хорошо живемъ на вольномъ свѣтѣ!

— А пойдемъ, Филиппъ,—соглашался Василій,—нынче я соберусь. Вотъ кончу хорошую гармонику и на Богословъ. Давно ужъ думаю выпить заводскаго вина и поѣсть бѣлыхъ калачиковъ.

Наконецъ, дошли до дому наши земляки. Вспомнили о своихъ женахъ, стряхнули снѣгъ съ себя, остепенились и поступались къ своимъ пенатамъ. Но разговоры у нихъ еще не сразу кончились, и неизвѣстно долго ли бы у нихъ продолжались, если бы Василиса (жена Василя) не крикнула: «ну, ну, иди, иди, пьяница, иди, бурлакъ, пора обѣдать».

—Вишь у тебя какъ жена-то, — иронизировалъ Филиппъ, — моя такъ не смѣть.

— Чего кричишь, — говорить Василій, входя въ избу. — Заводскій приказчикъ пріѣхалъ, на заводъ собираемся.

Такимъ же извѣстіемъ и Филиппъ успокоилъ свою жену, иначе не миновать бы ему ухвата.

Не прошло и недѣли, какъ сбылось то, что желали крестьяне деревни Давпонъ. Пріѣхалъ въ село Вильгортъ, въ волостное правленіе, тучный человѣкъ, съ ясной улыбкой, благодушный, но съ тонкимъ умомъ, со знаніемъ психологіи простаго человѣка. Это былъ заводскій приказчикъ. Прошелъ кличь по селу: «пріѣхалъ приказчикъ, благодѣтель, много денегъ привезъ». Со всѣхъ деревень нахлынули толпы народа къ волостному правленію.

День былъ солнечный и весело было на сердцѣ у людей. Шумъ, толкотня и говоръ тысячеустной толпы вокругъ правленія, въ дверяхъ и внутри. А въ присутственномъ залѣ благодушный приказчикъ раздавалъ денегъ направо и налево по 20 и 25 и ниже рублей. Старшина, сидя у зеленого стола, взималъ подати съ задатковъ, данныхъ приказчикомъ, подписывалъ и обратно отбиралъ паспорта. Въмѣсто послѣдняго давалось проходное свидѣтельство до завода. Сотни мужиковъ и подростковъ закалили себя зауральскому заводу на цѣлый годъ. Толпы были раздѣлены на десятки; кругъ, состоящій изъ десятка, ручался за каждаго изъ своихъ товарищей, что онъ доставитъ изъ дремучаго лѣса столько-то сажень дровъ и къ такому-то сроку въ контору Богословскаго завода.

— Охъ! неразумные люди, бросаете хозяйство, отвыкаете отъ земли въ угоду анаемскому заводу, — говорилъ сѣдой мужикъ Иванъ, человѣкъ почтенный, бывшій много разъ въ жизни волостнымъ старшиною: — потеряете здоровье, забудете женъ, искалѣчите себя въ чужихъ земляхъ изъ-за 100 рублей. Чтó я сказалъ? Сто рублей, двухъ рублей обратно не принесете, все тамъ же останется.

— Молчи, Иванъ, — на него крикнули десятки голосовъ. — От-

куда намъ на подати взять, чѣмъ праздникъ справить, небось, не повѣришь ни на копѣйку ни деньгами, ни хлѣбомъ. Молчи, старый хрычъ».

Оскорбленъ былъ старикъ Иванъ грубыми рѣчами, плюнулъ и ушелъ изъ правленія. Пришелъ домой и взялъ псалтырь для утѣшенія своей души. Онъ сталъ читать: «Зачѣмъ мятутся народы, и племена замышляютъ тщетное?» А толпа все умножалась около правленія. Крикъ и шумъ доходили до Ивана.

Въ этой же толпѣ тѣснились Василій и Филиппъ. Они взяли задатку по двадцати рублей, уплатили подати за полгода и въ рукахъ уже держали проходныя свидѣтельства. Съ ними же были ихъ сосѣди: силачъ чернобородый, кудрявый Федоръ, длинноносый, смуглый Макарь Степанъ, юный Степанъ младшій, маленькій скупой мужичекъ Исакъ, скромный, бездѣтный Варфоломей. Надъ послѣднимъ всѣ шутили: «Ты зачѣмъ здѣсь? Али другую жену будешь искать себѣ на заводѣ? А? дѣтей нѣтъ, куда тебѣ деньги?»

— Всѣмъ жить-то надо, пока смерть не пришла, — отвѣчаетъ Варфоломей; — дѣтей нѣтъ? Этому Богъ судья!

Василій и Филиппъ, Федоръ и Степанъ вышли изъ толпы, купили въ ближайшей винной лавкѣ четверть и куда-то ушли вспрыснуть дѣло. Они бы и больше купили, да жены и дѣти подкараулили ихъ у кабака и всѣ деньги отобрали. Праздникъ насталъ для Вильгорта. Число пьяныхъ увеличивалось. Крики, пѣсни, шумъ, драка... А прекраснодушный приказчикъ такъ и бросалъ деньгами, такъ и сѣялъ... Много же у него денегъ, говорили въ народѣ: обогатилъ село.

Между тѣмъ солнце, пурпуромъ покрытое, спустилося за бѣлой церковью, гдѣ-то тамъ за лѣсомъ зеленымъ. Золотисто-румяная заря покрыла багрянцемъ полъ-неба. Вотъ тихонько звѣзды зажигались на далекомъ небѣ надъ сосновыми избушками села Вильгорта.

Гармоника гдѣ-то заиграла. Это Василій и Филиппъ, и Федоръ, и Степанъ, и другіе бодро идутъ, шумно разговаривая, съ погоста въ родную деревню.

— Вотъ хорошо, — говорилъ Филиппъ. — Подати заплачены и деньги въ карманѣ! Да-съ, вотъ оно заводъ-то!

А Василій игралъ и приплясывалъ, другихъ къ тому же побуждая...

«Вали, вали, Филиппъ, пляши, вали валомъ, завтра разбе-

ремъ». И страстные звуки гармоники наполнили деревенскія улицы.

Собаки бросились навстрѣчу изъ деревни Давпонъ съ лаемъ и визгомъ. Въ окно глядѣли дѣвицы, собравшіяся на вечеринку, гдѣ распѣвали онѣ пѣсни при тусклой лучинѣ...

Федоръ молчалъ и выдумывалъ, гдѣ сегодня еще достать винца, Степанъ предложилъ зайти всѣмъ на бесѣдку.

Они зашли, а звѣзды оріона, три блестящихъ волхва, послали за ними вслѣдъ свои блѣдныя, грустные лучи...

## II

Насталъ день, когда мужикамъ надо было оставить теплыя избы свои и отправиться въ дальнюю дорогу. Жаль оставить родной уголь. Утро было свѣтлое и морозное. Солнце играло въ узорахъ замерзшихъ оконъ и отдѣльными золотистыми лучами озаряло лица мужиковъ, бабъ и дѣтей, цѣлющихся и плачущихъ. Всюду происходили сборы и прощанья. Семейство за семействомъ выходило изъ домовъ, сверху и снизу навьюженныхъ глубокимъ снѣгомъ. Мужики и подростки, отправляющіеся на заводъ, одѣты были въ полушубки и армяки надъ ними, въ мѣховыя рукавицы, въ валенки. Они на дворахъ привязали къ себѣ санки, полная разныхъ припасовъ и бѣлья. Легко ли сказать— на полгода отправлялись за 800 верстъ отъ дому?

Солнце поднималось все выше изъ-за домовъ, оно увидало крестьянъ съ санками, тихо выходящихъ изъ деревни. Бабы, дѣти, старики со слезами и съ благословеніями шли за мужьями, отцами, дѣтьми. Говоръ, пожеланія, крикъ и слезы. Много сердець билось отъ горя и печали.

Мужики тихо шли изъ деревни въ городъ. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, визжали полозья санокъ. Тихій, задумчивый говоръ толпы во много сотъ человекъ наполнялъ утренній воздухъ. Воронъ съ вороненкомъ перелетѣли надъ ихъ головами. «Куркъ, куркъ» раздалось въ воздухъ. «Куда они летятъ, еремаканъ кукань?» сказалъ Федоръ. «Кляпъ имъ въ ротъ», прибавилъ сказочникъ Марко. Однако, всякій объяснилъ по своему ихъ появленіе. Одни испугались, другіе обрадовались ихъ предвѣщаніямъ.

Позже всѣхъ выходили изъ деревни Василій и Филиппъ. Последняго съ горькими слезами провожала жена Матрена. «На кого оставляешь насъ безпомощныхъ, кормилецъ нашъ Филиппъ

Максимовичъ“, причитала она, совершенно забывъ въ эту минуту, что наканунѣ еще бранила его всякими словами за его пьянство и посылала ко всѣмъ «нечистымъ». Насилу растроганный Филиппъ вырвался изъ ея объятій. «Полно, полно, не плачь, привезу ситцы тебѣ на платье, ластикъ на шубу, полно»,---утѣшалъ ее онъ.

Жена Василия, женщина съ зелеными глазами, хитрая, дочь кознодѣя колдуна Григорія, увѣщавала своего мужа благоразумными рѣчами.

— Не пей же, Василий, помни о семействѣ, вѣдь намъ копейку взять негдѣ. Расходъ же каждый день. Да не хвастай, не хвались, не зарабатывайся, живи, какъ люди, а съ Филиппомъ меньше якшайся, онъ ужъ извѣстный забулдыга. Смотри же, Василий. Семерыхъ оставляешь. Гармонику-то продай за подходящую цѣну, къ чему тебѣ она, ты не парень, стыдись бурлачить.

Наконецъ, Василий и Филиппъ, простившись со всѣми родными и знакомыми, пошли по направленію къ городу. Тамъ толпы народа зашли выпить на дорогу по стакану. Дальше былъ волокъ въ тридцать верстъ до Визябожа.

Въ это время подоспѣла къ вильгортцамъ другая партія съ нижней Вычегды. Между ними былъ Максимъ изъ Тьдора, съ рыжей бородой и съ рыжими усами, мужикъ огромнаго роста. Всякій, сколь бы высокъ ни былъ, приблизившись къ нему, казался малымъ. Когда онъ говорилъ, думалось, что звуки исходили изъ бочки или изъ трубы. Но Максимъ былъ человѣкъ смирный, хотя и внушалъ невольный страхъ собесѣднику. Онъ далъ клятву своему отцу еще въ юности: никогда никого не ударить своей огромной ладонью, чтобы не погубить человѣческой души; и это свято исполнялъ онъ, такъ что когда его пьянаго тормозили толпою, онъ осторожно раздвигалъ ихъ, какъ дѣтей, и тихонько уходилъ домой.

Солнце уже ушло на югъ, на свѣтлый полдень по блѣдносинему небу, какъ толпы крестьянъ вышли изъ города и вошли въ дремучій волокъ.

Впереди всѣхъ шелъ великій Максимъ, таща длинный нортъ, дорожныя сани съ припасами, за нимъ на протяженіи версты тянулись артели бородатыхъ и безбородыхъ крестьянъ. Молодежь веселилась: играли на гармоникѣ, боролись, прыгали другъ черезъ друга. Которые были навеселѣ, запѣли пѣсни.

Громкій хоръ раздался подъ зимнимъ небомъ среди дрему-

чихъ сосенъ въ морозномъ воздухѣ—«не бѣлы снѣжки», и онъ тихо удалялся, замирая въ глуби волока.

Деревня Визябожъ была мѣстомъ первой остановки. Первые дни дѣлалось по тридцати верстъ, но потомъ длину дневного пути съ каждымъ днемъ увеличивали. Вильгортская партія оставалась въ Визябожѣ у мужика Семена, и здѣсь сказочникъ Марко занималъ своихъ односельчанъ сказками.

Благодушный Семень велѣлъ своимъ дѣтямъ нанести въ комнату много сноповъ соломы, чтобы народъ на полу расположился на ночлегъ. Начались разговоры, шутки, поговорки, пока Марко не началъ своей сказки. «Жилъ король вдовецъ. Скучно стало ему безъ жены. Кличъ велѣлъ кликнуть по всѣмъ царствамъ: ищеть де невѣсты король всеильный Гого-Магого. Слуги вѣрные обрыскали свѣтъ и привезли портреты всѣхъ красавицъ ближнихъ и дальнихъ царствъ. Долго глядѣлъ король на нихъ.

Одна была блестящая, царевна индѣйская, Евпраксія (премудрая). Лицо ея, какъ свѣтлый день, глаза—какъ темная ночь, плечи и груди, какъ бѣлыя круглыя облака. Ахъ, красива! говоритъ король, она будетъ моею женою. Одна бѣда, отвѣтили вѣрные слуги: «она ни за кого замужъ выйти не хочетъ, пока кто не отгадаетъ загадки и не побѣдитъ ея въ единоборствѣ. Кто этого исполнить не сможетъ, у того буйная голова съ глупыхъ плечъ долой. Много уже королей и королевичей положили свои головы, прельстившись ея красотою». Задумался король, лицо, какъ осенняя ночь...»

— Иди, рыжій Максимъ, посватайся,—острили мужики, лежа на соломѣ и прикрывшись армяками.—Слышь, какая красивая...

— Мнѣ не надо,—отвѣтилъ, какъ ударъ колокола, Максимъ, растянувшись отъ печки до дверей:—моя Агашка не уступитъ никакой Евпраксіи, ни даже самой Милитрисѣ».

Взрывъ хохота былъ отвѣтомъ на эти слова. Долго и чудно рассказывалъ Марко. Ужъ храпъ раздавался въ разныхъ мѣстахъ. Самъ благодусный Семень уснулъ на своихъ палатяхъ, а его жена на печкѣ, на ржи, которая сушилась; погасла лучина, вставленная въ желѣзный свѣтецъ, но голосъ Марко тихо и мѣрно раздавался.

Также тихо и мѣрно двигались звѣзды на небѣ, надъ деревней Визябожъ; Оріонъ и Волопасъ, и Корона, и Гончія Собаки, и Лисица, и яркая Андромеда, и искристый Пегасъ лили свои нѣжные, мерцающіе лучи на дремучій лѣсъ, на вѣковыя сосны

вокругъ деревни и въ замерзшія окна крестьянскихъ избышекъ. А тамъ вдалькѣ лунный серпъ поднимался изъ-за лѣса и печальнымъ свѣтомъ наполнялъ горницу природы. Однѣ звѣзды поднимались на востокѣ, другія на западѣ куда-то спускались въ бездну, и не было, и не будетъ остановки этому мѣрному движенію. Семизвѣздица хвостъ свой все болѣе обращала къ восходу солнца; еще повернется немного небесная стрѣлка, и проснется народъ и, надѣвши санки на себя, продолжитъ свой путь къ восходу солнца, за каменные горы, оттуда съ каменнаго пояса въ Богословской заводъ.

А благодушный Семень, проводивъ земляковъ, выйдетъ на улицу со словами: «аттѣ дивѣ! какъ много народу нынче прошло на заводъ». Онъ выведетъ свою рыжую лошадку изъ теплой конюшни, напоить ее холодной водой изъ колодца, запряжетъ въ низкія сани (дровни) и поѣдетъ счастливый за сѣномъ на берегъ рѣки Лем-ю, любуясь утренней зарей.

Подѣдетъ онъ къ своему стогу, зоруду, огороженному длинными жердями, понюхаетъ ароматное сѣно, погладитъ свою лошадку, называя ее разными ласковыми именами, и примется, благословясь, класть душистое сѣно желѣзными вилами въ просторныя дровни. «Не знаю, скажетъ онъ, разсуждая самъ съ собой, ничего, кажется, нѣтъ лучше своего хозяйства. Дома, дома-то хорошо. Своя лошадь, свое сѣно... Работаешь по силамъ.» Сѣверяне, межъ тѣмъ, ускорили свои шаги. Далекъ заводъ Закамскій!

Длинна, однообразна дорога по берегамъ безконечныхъ сѣверныхъ рѣкъ. То она входитъ въ дремучій боръ, покрытый снѣгомъ, и вѣется между сугробами у корней сосенъ, то выходитъ на поляны, гдѣ вѣтры свободно гуляютъ, то спустится на рѣку и по зеркальному лону, какъ стрѣла мчится, то снова поднимется на высокія пармы, въ еловыя рощи, гдѣ мракъ и вѣчная тишина. Идетъ и идетъ она, и нѣтъ конца ей. Села и деревни изрѣдка оживляютъ ее. Ужъ миновали Корткеросъ, и Небдинъ, и Керчемья, и городъ Чердынъ. Перешли ужъ каменные горы. Федоръ и Степанъ, Василій и Филиппъ, Варфоломей и Исакъ идутъ дружною толпою.

— Васъ, мы наживемъ нынче рублей 50 на человѣка—а?—говорить Филиппъ.

— Больше наживемъ, Пиля, до весны далеко, порубимъ, попилимъ, лѣсъ бы хорошій найти,—говоритъ, отважно шагая, Василій.

Онъ игралъ на гармоникѣ то веселые, то печальные мотивы. Онъ былъ музыкантъ. При игрѣ весь оживлялся, не только ноги и руки и пальцы, уши двигались его въ тактъ со звонкими аккордами гармоника.

— Исаакъ! пляши! — смѣялся онъ надъ Исакомъ, мужикомъ скромнымъ, но скрытнымъ и скупымъ, какъ камень.

— Варфоломей, что не пляшешь?—подзадаривалъ Филиппъ,— аль о Гликеріи грустишь? Полно, на заводѣ найдемъ другую, такую же.

— Запляшешь тамъ среди сосновыхъ чурокъ, —басиль Федоръ. Но шутки на умъ не шли, забота у всѣхъ лежала на сердцѣ.

Вдругъ Василій ударилъ печальное, заунывное. Высокія, приуральскія сосны завторили игрѣ.

Ужъ поздно. Луна показалась надъ ледяной далью рѣчки Язвы. Морозъ трещалъ въ лѣсу. А Василій игралъ все печальнѣе и печальнѣе. Слезы льются у Василя, плачетъ и Филиппъ. «Куда идемъ», думаетъ онъ, «далеко, далеко родная деревенька, милый родной Давпонъ. А впереди что? Не за смертью ли идемъ? Долго ли въ лѣсу быть бѣдѣ? Упало дерево на голову, ударило сучкомъ, вотъ и все тутъ. Человѣкъ хуже божьей коровки. Давно ли жилъ сильный Парменъ? богатырь Демить? Ушли на заводъ, а оттуда не воротились».

Грустно стало Филиппу и вспомнилъ онъ свою избушку, жену Матрену и дѣтей, какъ милы они! Вспомнилъ и зеленокудрявую березу возлѣ крыльца. Откуда бы ни ѣхалъ онъ, отовсюду видна эта береза. Озабочены были и Федоръ, и Варфоломей. Послѣдній шелъ съ поникшей головой.

«Можетъ быть, и взаправду иду я на заводъ напрасно?—думалъ онъ. Къ чему мнѣ деньги, вишь потащился за людьми».

— Полно, Васъ, такъ печально играть, — говоритъ Филиппъ. Но Васъ не унимался.

Вотъ деревня показалась съ пріютными огнями изъ-за красноствольныхъ сосенъ. Тамъ ночлегъ, яркая лучина, отдыхъ на соломѣ, теплый ужинъ.

Обширный заводъ предсталъ взору нашихъ путниковъ. Имъ бросились въ глаза пестрая крыша домовъ; необычайное ихъ число, какъ острия вершины елей въ большомъ лѣсу, а надъ ними зеленый куполь высокой колокольни. Чѣмъ ближе, тѣмъ шире и необъятнѣе становится заводъ.

— Нашъ городъ въ сравненіи съ этимъ ничто!—сказаль Филиппъ.

— Нашъ городъ—лукошко! и то пустое. Въ немъ фунта чернаго хлѣба не найдешь купить,—отозвался презрительно Федоръ.

— Аттѣ дивѣ!—воскликаль Василій,—великъ же Богословъ-то!

Вошли земляки въ просторную улицу, въ ту, гдѣ жили цеховые рабочіе. Двухъэтажные дома стояли стройными рядами. Далѣе за ними тянулись безконечныя лавки. Здѣсь вятчане и пермичи бойко торговали хлѣбомъ, сбитенемъ, сукнами, ситцами.

Изъ одного большого дома выскочили дѣвицы въ нѣжныхъ ситцевыхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ набедренникахъ.

— Не чета нашимъ женамъ эти красавицы,—сказаль Филиппъ.

— Какъ кисточки на шлеѣ у лошади, —вставиль Василій.

— Настоящія кралечки-милитрисы,—прибавиль сказочникъ Марко.

«Самъ Гого-Магого пожелаль бы ихъ взять въ жены». Такъ разсуждали мужички, любясь посадомъ, и скрипя полозьями своихъ санокъ, приближались къ самому заводу.

Здѣсь народъ кишѣль, какъ въ муравейникѣ. Кого тутъ не было. Туда и сюда шли рабочіе съ пилами, съ топорами; тутъ были могучіе, широкоплечіе въ рваныхъ халатахъ татары, въ грязныхъ лазахъ чернорабочіе съ Вычегды, въ полушубкахъ вятчане.

Пѣшія толпы народа и безконечный рядъ возчиковъ выходили въ одни ворота изъ завода, въ другія ворота входили и въѣзжали столь же огромныя толпы конныхъ и пѣшихъ. Заводъ свистѣль. Было 12 часовъ. Длинными рядами выбѣгали черезъ будки заводскіе рабочіе въ короткихъ засмоленныхъ пиджакахъ. Они шли къ обѣду. Какъ на базарѣ, была давка на улицѣ. Нашихъ земляковъ оттискивали въ разныя стороны. Варфоломей и Исакъ растерялись и, робко поглядывая по сторонамъ, держались за своихъ. Но Максимъ впереди прокладываль дорогу, раздвигая толпы мощными руками.

— Вотъ гдѣ ярманга-то,—говориль Филиппъ.

— Это ужъ Макарьевская,—прибавиль Марко,—тутъ только ворамамъ и житье. Бери-знай изъ кармановъ.

Наши мужички стремились въ казармы для дровосѣковъ. Тамъ были бесплатныя квартиры для чернорабочихъ (дроворубовъ).

Дошли. Вошли въ обширную комнату. Кругомъ стѣны были широкіе нары. На нихъ расположились пришельцы со своими припасами.

Тотчасъ же половина ихъ отправилась въ контору завода лѣсничаго съ проходными свидѣтельствами. Но въ конторѣ было такъ много народу, что не было никакой надежды добиться чего-нибудь. То-же самое было и на второй день, то-же и на третій.

Дровосѣки начинаютъ ругаться. Крылатая слова вылетали изъ ихъ устъ и отражались въ обширныхъ стѣнахъ казенной квартиры.

Ничто не помогло.

Между тѣмъ хорошаго лѣса проводники не находили. Они водили за носъ рабочихъ. Каждый вечеръ, послѣ странствій по лѣсамъ, возвращались они обратно въ казармы.

— Ну, Василій, — говоритъ Филиппъ, — придется безъ рубахи вернуться домой. Вотъ тебѣ и нажива!

— Да, дни-то уходятъ, солнечные все дни-то, — вздыхаетъ Василій.

— Король Гого-Магого никогда не бывалъ такъ несчастенъ, какъ мы, — прибавилъ Марко: — къ зимогорамъ придется приписаться. Федоръ и Степанъ только плевались. Исакъ рвалъ на себѣ волосы и свою рѣдкую бороду, а Варфоломей, говорятъ, вздыхалъ о своей Гликеріи.

— О если бы мнѣ можно было драться, — басилъ Максимъ, стоя посреди комнаты, около печки, — оторвалъ бы не мало я голвъ. Да нельзя, отцу даль слово.

Наконецъ, заводъ устроилъ ихъ дѣла, и куренный смилостивился, завѣдующій лѣсными участками.

По совѣту Марко, дали ему два рубля на магарычъ. Получивши деньги, хитрый, рыжебородый куренный, имѣвшій видъ великаго барина, тотчасъ послалъ Мишку, своего подростка, и тотъ нашелъ въ одинъ день лѣсъ чудный, дикій и прекрасный.

Огромныя сосны, въ обхватъ толщиною березы, столѣтнія ели стояли въ дикой своей первобытной красѣ.

На другой день наши рабочіе взяли задатокъ изъ расчетной конторы, пилы заводскія, топоры, припасы, желѣзную печку, и всею гурьбой переѣхали на житье въ лѣсную избу, выстроенную ими въ одно мгновеніе. Это была изба въ одну комнату съ свѣтлыми окнами съ желѣзной печью, съ крышей изъ еловыхъ досокъ. Зажили дроворубы, думушки у нихъ прибыло. Теперь держись. Насталъ день работы. Рано утромъ, какъ только забрезжилъ синій свѣтъ въ сумрачномъ бору, работники оставили свои нары. Наскоро одѣлись. Въ ихъ рукахъ заблестали остря пилы

и огромные топоры въ лучахъ керосиновой лампы. Стройными толпами вышли они, погружаясь въ темные сугробы, и приблизились къ друзьямъ дѣтства своего, къ лѣснымъ великанамъ.

— Господи благослови! — прошептали они и, снявши шапки, перекрестились на востокъ.

Мѣрные удары раздались въ молчаливомъ бору. Звѣри проснулись въ своихъ норахъ, птицы вылетѣли со своихъ насиженныхъ гнѣздъ. Чаше и чаще слышны удары, острья пилы визжать, и падаютъ съ шумомъ вѣковыя сосны, березы широколѣтвистыя и сумрачныя ели. Сучья летятъ со стономъ и свистомъ, на куски разбиваются мощные стволы сосенъ и елей.

Учащаются удары, все громче визжать безпощадныя пилы въ сотняхъ опытныхъ рукъ. Рѣжутъ, рѣжутъ лѣсныхъ гигантовъ, только подрубленные пни краснорѣчиво говорятъ, сколь стары, сколь могучи были эти прекрасныя сосны, росшія свободно на широкихъ песчаныхъ холмахъ.

Вязнутъ по грудь дроворубы. Сняты армяки и лазы давно. Въ однѣхъ рубашкахъ работаютъ они!

Горятъ костры въ дремучемъ лѣсу.

Дымъ восходитъ къ небесамъ. Кругомъ ихъ развѣшены мокрая одежда. Кипитъ чай на таганѣ, въ огромныхъ котлахъ варятся щи и каша.

Быстро работаютъ опытные люди.

Но бѣда неискуснымъ изъ нихъ.

Исакъ и Варфоломей не знали, что дѣлать. Исакъ ударилъ замерзшую березу, но топоръ отскочилъ съ такой силой отъ нея, что вылетѣлъ изъ рукъ его и взвился въ воздухѣ выше дерева. Стали пилить кряковистую ель, дерево не въ ту сторону пошатнулось, и разбило пилу. Стали рубить сучья, они разбивались, какъ камни, и били по головѣ Варфоломея и Исака и его товарища.

Варфоломей вздыхалъ: «напрасно пришелъ я сюда!» Въ слезахъ былъ маленькій Исакъ. «Осторожнѣе вы, осторожнѣе», кричали имъ Василій и Филиппъ, Федоръ и Степанъ: «вѣдь столѣтнія березы не жерди, осторожнѣе».

Потъ катился съ рабочихъ жаркими струями. Въ однѣхъ рубашкахъ и то жарко въ глубокихъ сугробахъ въ морозномъ лѣсу. Ревность растеть къ работѣ у земляковъ, не даетъ покоя имъ мысль о заработкѣ, объ утраченныхъ дѣлахъ.

Рубятъ, пилятъ, колютъ, полѣнницы стройныя, какъ грибы

растуть. Кратки обѣды около костровъ, и ночи недолги въ лѣсной избушкѣ!

Восходитъ солнце, заходитъ солнце, мириады звѣздъ идутъ по небесному своду, тихо плыветъ серпъ луны по голубому небу — длится работа дровосѣковъ! и нѣтъ имъ конца.

Какъ сраженное войско, валятся красныя сосны, дивныя, со стономъ падаютъ темныя ели, и прекрасно-кудрявыя съ бѣлымъ поясомъ красавицы березы ложатся лицомъ книзу на замерзшую землю. Безжалостны къ нимъ мужики — дѣти сѣвера суроваго, безжалостны къ мужикамъ желѣзные законы жизни и корыстолюбія.

Есть просторъ для могучихъ плечъ!

Велико чугунное чрево завода, много нужно пищи чугунному звѣрю....

Безконечна длинна сибирская дорога.

Много нужно угля, много огня...

Голѣютъ, голѣютъ непроходимыя, дремучія уральскія горы...

Высокія пармы обнажились...

Что-то будетъ дальше! О, бѣдный сѣверъ! Безпощадный рокъ истребляетъ твое послѣднее и единственное богатство — твои пышныя лѣса...

Свободно будетъ сыну Хіиси — холодному вѣтру гулять по твоимъ полямъ...

Замерзнете и погибнете вы, милыя дѣти печальнаго сѣвера!

Вечеръ. Сидятъ мужики послѣ тяжелой работы многотруднаго дня въ лѣсной избушкѣ. Курятъ трубки и сигарки около желѣзной печки; двери открыты, звѣзды глядятъ съ высокаго неба на нихъ...

На нарахъ лежатъ утомленные работники. Кто спитъ, кто сказку рассказываетъ.

— Много ли нарубилъ, Федоръ?

— Мало, сажень 10. А ты сколько, Максимъ?

— Сажень 20, — отвѣтилъ тотъ, разсматривая чудовищно-огромный топоръ, блестящій въ свѣтѣ горящихъ углей въ желѣзной печкѣ.

На порогѣ сидѣли Василій съ Филиппомъ.

— Ужъ руки начинаютъ уставать, а наработалъ не болѣе, какъ руб. на 30, говорилъ Василій, чортъ съ ней, съ этой тяжелой работой.

— Да, это не гармоники дѣлать, но пока только цвѣточки

еще, плодъ впереди. Рукъ совѣмъ не будешь поднимать, будешь спотыкаться о соломинку,—говорилъ Филиппъ,—тогда и нажива будетъ.

Василій взялъ гармонику свою и грустную пѣсню заигралъ...

Темный лѣсъ и мракъ окружали его. И вдругъ вспомнилъ онъ почему-то молодую вдову Пелагею изъ Небдина, вспомнилъ онъ ея бѣлыя руки, какъ она кормила ихъ ужиномъ въ дорогѣ къ заводу... Ея голубые глаза глядѣли на него и ласковая улыбка показалась на лицѣ Василю... Гармоника иначе заговорила, бодрые и веселые мотивы наполнили темный, холодный воздухъ. Но вотъ другой образъ мелькнулъ въ его воображеніи... Онъ вспомнилъ свою жену Василису съ зелеными глазами и съ рыжими волосами, и чувства его прежнія приугасли... Онъ посмотрѣлъ на звѣзды... Одна изъ нихъ скатилась по небу... Кто-нибудь умеръ... Вотъ жизнь наша, подумалъ Василій и звуки вечерніе умолкли въ тихомъ воздухѣ.

Быстро идетъ время. Уже весною запахло въ воздухѣ. Рабочіе спѣшатъ закончить заказы... и все бы хорошо, да случилось несчастье. Убило Исака огромной сосной, пихтой ушибло Степана Младшаго. Варфоломей простудился. Исакъ, скорчившись, лежалъ подъ деревомъ, его вытащили оттуда, хотѣли раскатать и привести въ чувство, но скоро убѣдились, что душа отлетѣла отъ праха земного, довольно заниматься ей рубкой дровъ для казенныхъ заводовъ изъ-за куска хлѣба.

— Что же намъ дѣлать? — спрашиваетъ Пиля, глядя на крестьянъ: — съѣздить за попомъ, али нѣтъ?

— Зачѣмъ? — сказалъ Федоръ, — прочтемъ сами молитвы и похоронимъ его здѣсь подъ елью, жена потомъ закажетъ панихиду. Время рабочее, некогда намъ ѣздить за попами. Всѣ согласились...

— Насъ возьмутъ подъ судъ, нельзя хоронить безъ священника, — вставилъ свое слово сказочникъ Марко.

Исака оставили лежать въ еловомъ шаланѣ до куреннаго. Черезъ недѣлю онъ былъ похороненъ на заводскомъ кладбищѣ съ разрѣшенія начальства. Деревянный крестъ поставили на его могилѣ его односельчане. И спать теперь тамъ Исакъ, вдали отъ родины, среди чужихъ гробовъ... Да, впрочемъ, что до этого, душа труженика гдѣ-нибудь теперь въ иныхъ горнихъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ такой безысходной нужды, гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ и ужасающей эксплуатаціи.

Степанъ и Варфоломей еще были на землѣ. Они лежали въ

избѣ, охая и стоная, пока Филиппъ въ праздникъ не увезъ ихъ въ заводскую больницу.

Яркое солнце (ни на что не глядя) выше и выше поднималось съ отдаленнаго юга на печальный сѣверъ. Птицы запѣли въ лѣсу. Медвѣдь проснулся въ берлогѣ и вышелъ оттуда съ игривыми медвѣжатами. Лѣсъ оживалъ. Бѣлки весело защелкали орѣхами. Пестрые дятлы непрерывно стучали въ еловыхъ росяхъ, красные клесты свои пѣсни воспѣвали въ сосновомъ бору.

Богиня весны приблизилась, всѣ чувствовали ея дыханіе. Таютъ глубокіе снѣга, проснулись звонкіе ручьи. Свѣтло стало въ горницѣ природы.

Весенніе праздники наступили.

Вычегодцы отправили ходоковъ на заводъ за деньгами и за водкой. Они рѣшили встрѣтить праздникъ Пасху въ лѣсу. Меньше будетъ расходу и меньше грѣха. Заводскій людъ вечерами въ праздничное время былъ очень буенъ. Молодые люди ходили съ кистенями, съ ножами, съ топорами; драки и убійство были очень нерѣдки, если пришлый народъ выходилъ на шумныя улицы въ вечернее время. Въ лѣсу же было очень весело сѣверянамъ. Много куреней располагалось въ сосѣдствѣ между собою; много тысячъ народу работало здѣсь, и въ праздники изъ одного куреня ходили въ другой въ гости и весело проводили время.

Пришли ходоки, привезли ведрами вина, и запили мужички.

Встрѣтивши праздникъ, богатырь Максимъ и съ нимъ нижневычегодцы пошли по куренямъ на лыжахъ.

— Сколько человѣкъ устоитъ противъ тебя, — спрашивали его пьяные дровосѣки, толкая его съ разныхъ сторонъ, а онъ шель между ними неколебимо, какъ ель среди кустарниковъ-можжевельниковъ.

— Человѣкъ-то двадцать мнѣ будетъ мало.

Не было и не нашлось такихъ, которые пожелали бы провѣрить его слова своими боками.

Вильгортскіе крестьяне со сказочникомъ Марко во главѣ тоже ходили по куренямъ.

Никто не могъ перешеголять или запереть словами сказочника Марко.

Они встрѣтили въ чужихъ куреняхъ своихъ земляковъ. Михаила Елькина изъ песчаной Шешки нашли въ одномъ рубищѣ, спящимъ въ лѣсной избушкѣ около желѣзной печки. На ногахъ у него были лапти. Говорятъ, въ одинъ день спустилъ онъ все

съ себя, что имѣлъ. Онъ жилъ уже много годовъ на заводѣ, но такъ же голъ по-сейчасъ, какъ мать его родила, хотя былъ отличнымъ дровосѣкомъ. Чѣмъ скорѣе и больше наживалъ онъ, тѣмъ быстрѣе спускалъ все на вино и карты. Въ томъ же куренѣ былъ мужикъ изъ Дава Степанъ Оплеснинъ, силачъ и драчунъ, чело-вѣкъ съ неукротимымъ характеромъ, сѣверный Робертъ Діаволь. Послѣ большихъ побоищъ, отрезвившись, онъ кланялся всѣмъ въ ноги, просилъ прощенія, выходилъ на улицу и глядѣлъ въ лицо солнца, проливая горькія слезы о несчастной своей жизни. Но затѣмъ снова напивался и вступалъ первый въ какую-либо великую битву.

Эти бѣдные зимогоры были въ неоплатномъ долгу и въ рабствѣ у завода.

Слухъ ходилъ по куренямъ, что Ефимъ Елькинъ, сынъ Нялая, ударилъ кого-то кулакомъ и пришибъ до смерти, за что былъ сосланъ въ Сибирь, что другой Сергѣй Харитоновъ изъ Давпона былъ убитъ въ дракѣ. И многое множество еще другихъ печальныхъ вещей видѣлъ и слышалъ Марко съ товарищами, да никому не сообщили. Да и забыли потомъ. Жизнь сказка.

Величавая луна и всевидящее солнце все знаютъ, но тоже молчать. У кого хватитъ слезъ выплакать все горе міра!

Праздники прошли, какъ смутное сновидѣніе. Угрюмые работники вновь вышли изъ лѣсныхъ избушекъ, отточивъ свои топоры и пилы, и грянули на работы. Такъ войско послѣ полуденнаго отдыха вновь идетъ въ атаку, недавно отбитую съ большимъ урономъ. Снова съ трескомъ валились красныя сосны, гибли во цвѣтѣ лѣтъ нѣжныя березы, и темныя ели падали стремглавъ въ глубокіе сугробы... Не было пощады ни красотѣ, ни величію. Деньги истрачены, вновь нужно нажать ихъ могутными плечами.

Но солнце къ лѣту близилось. Весна сіяла во всей ослѣпительной красѣ въ лѣсу и на поляхъ. Страда начинается въ деревнѣ! Пора по домамъ!

Руки устали, болтаются, какъ плети, ноги не въ состояніи уже перешагнуть черезъ вѣтку еловую. Пора по домамъ. Кто выполнилъ условіе, заключенное съ заводомъ, десятками покидали дремучіе своды пріуральскихъ лѣсовъ. Но много было еще неприятности отъ куреннаго и отъ алчной конторы. Вычеты и учеты были безконечны, то лишнее за припасы, то за порчу пилы, топора, печки, за разбитыя стекла въ лѣсныхъ оконцахъ. Контора

тянула, не выдавая паспортовъ. Мужики ругались, мужики плевались. Ничто не тронетъ желѣзную механику заводскаго режима. Дни уходили у крестьянъ въ безработицѣ.

Но всему есть конецъ на этомъ свѣтѣ, даже и заводскимъ расчетамъ! Отряси прахъ, вышли изъ завода мужики и возвращались разными путями въ давно ожидающія ихъ деревни, къ своимъ домашнимъ заботамъ.

Рѣшили вернуться домой Василій съ Филиппомъ, Федоръ со Степаномъ и другіе. Мало было денегъ въ кошелькѣ и грустно было на сердцѣ давпонцевъ. Хоша бы на хлѣбъ не тратить на обратномъ пути, и вотъ рѣшились они на ночлегахъ сколачивать копейку. Василій починалъ гармоники деревенскихъ парней, а Филиппъ шилъ кафтаны и пиджаки и чинилъ старое — Федоръ со Степаномъ плотничали.

Когда прибыли въ Небдинъ и Василій увидалъ старую избушку у пригорка за ручьемъ, гдѣ жила вдова красавица Пелагея, не могъ удержаться, и зашли туда съ Филиппомъ.

— А! Василій Федоровичъ и Филиппъ Максимовичъ съ завода путь держите?—такими словами имъ встрѣтила деревенская Цирцея. Собрала она имъ обѣдать, блистая своими локотками и услаждая слухъ дорогихъ гостей гармоническимъ голоскомъ. За обѣдомъ чай, за чаемъ вино. И запиновали наши и день, и другой, и третій. Еще болѣе тощими оказались кошельки...

Да что дѣлать! плѣнительна бѣловолосая, голубоглазая молодая вдова!

Ужъ покинули наши путники Небдинъ, но образъ богини Калипсо, живущей у лѣса на берегу ручья на краю села Небдина, занималъ еще взволнованное воображеніе Василія, у котораго гармоника теперь ужъ не играла, а просто плакала о несбыточности мечты, о волшебныхъ странахъ, куда нѣтъ путей съ земной юдоли. Филиппъ шелъ наклонивши голову и въ глубокой задумчивости. «Что-то онъ скажетъ своей женѣ, у него въ карманѣ только два рубля? Чѣмъ подати заплатить?» А Василій шагаль впереди его отважной походкой, какъ всегда, но слезы лились по его щекамъ. О чемъ плакалъ онъ? Кто пойметъ душу поэта, въ какихъ пространствахъ носится мысль его и что тронуло его нѣжное сердце, горечь ли прошедшаго, или предчувствіе будущаго?

Долго шли обратною дорогою маленькими группами наши рабочіе. Многіе остались въ городахъ и селахъ на лѣто и осень, поступивъ въ работники. Такъ птицы весной, прилетѣвши съ

Египта или съ острова Кипра въ лѣсистый сѣверъ или въ тундры, потомъ разсыпаются маленькими группами и парами по разнымъ мѣстамъ—по горамъ, болотамъ, въ лѣсахъ и на равнинахъ.

Василій и Филипъ увидали, наконецъ, свой родной Давпонъ и запѣли пѣсню они (для смѣлости же передъ тѣмъ выпили они въ Устьсысольскѣ): «Конченъ, конченъ дальній путь, вижу край родимый» и, приплясывая, вошли въ Давпонъ.

Близъ избушки Тита Архипова Филипъ упалъ, окончательно охмелѣвъ. Жена его, узнавши, прибѣжала, ласкала его и цѣловала. «Родной ты мой, Филипъ Максимовичъ!» Но когда просмотрѣла всѣ карманы, прошарила и нашла только два рубля, стала бранить его на чемъ свѣтъ стоитъ и бить кулаками. «Пивная бочка! корову-то Лозанху продали за долги, а ты привезъ только два рубля». Вдова, жена Исака, разузнавши о смерти мужа, подняла вопли и причитанія на улицѣ. Гликерія тоже плакала о своемъ Варфоломеѣ. «Гдѣ твоя кудрявая головушка, честной ты мой Варфоломеюшко!» Пьяный Федоръ билъ свою жену на улицѣ за ея острыя слова и видя, что она значительно дурнѣе его заводской зазнобушки. Степанъ обнимался со своей молодухой. Жена Василия, съ зелеными глазами, дочь кознодѣя Григорія, увела своего мужа поскорѣе подъ сѣнь родного угла, визнавши, что у него въ кошелькѣ 20 руб.

Вопли, крики, игра на гармоникѣ, плачь дѣтей наполняли вечерній воздухъ въ деревнѣ Давпонъ. Но наконецъ все успокоилось. Запахло всюду ароматной деревенской баней. Утомленные работники пошли туда, ожить для лучшихъ дней. Нигдѣ такъ не хорошо, какъ у себя, въ родной банькѣ (среди своего семейства).

Сладко лютуютъ тамъ струи теплой воды на утомленные члены. По крайней мѣрѣ, къ такимъ мыслямъ пришелъ отрезвившійся Филипъ, сидя у круглой каменки, сложенной изъ песчаниковъ, въ своей банѣ. «Жизнь-то, жизнь-то, какъ сказка», думалъ онъ: «чего не было, а все прошло, и вотъ теперь дома я!..»

За вечернимъ самоваромъ въ своей горницѣ, въ окна которой лились мягкіе лучи желтой луны, поднявшейся изъ-за рѣки темной Сысолы, сидѣлъ Василій и рассказывалъ своей разумной Василисѣ всѣ свои похождения. Она, сложивъ руки на колѣни, внимательно его слушала, и, оставшись довольной, сказала: «Ладно. Самъ-то хоть пришелъ. Богъ привелъ тебя и хорошо. Ней теперь чай-то».

Прошелъ годъ, и всѣ эти страданія, всѣ эти исторіи повторились въ томъ же порядкѣ. Жизнь народа — что рѣка. Течеть она къ далекому морю и черезъ каменные пороги, и между скалистыми утесами, и по знойнымъ степямъ, рискуя высохнуть въ безконечныхъ равнинахъ. Течеть, и будетъ течь. Никого не научило, что Исакъ не вернулся, что, зимой вернувшійся, Варфоломей хромаетъ, что Степанъ Младшій не могъ выпрямиться и всю жизнь ходилъ сгорбленный.

Ничто никого! А жизнь течеть, какъ дни и ночи, какъ звѣзды небесныя — часы міра.

Плачьте, кому грустно, смѣйтесь, кому весело, луна восходитъ всегда на востокѣ, а заходитъ въ сторонѣ заката.

# ХОЛУНИЦКІЙ ЗАВОДЪ

РАЗСКАЗЪ АРКАДІЯ ЛЬСКОВА

Въ ноябрѣ въ снѣжный день прибылъ я на Холуницкій заводъ. Съ холма, прикрытаго лѣсомъ, открылся мнѣ, какъ бы въ туманѣ, обширный посадъ.

Нѣсколько церквей съ золотыми куполами украшали его. Онъ былъ такъ великъ, что я ему не видѣлъ конца.

Вошелъ я въ длинную улицу посада и прошелся мимо лавокъ, тянувшихся рядами.

Торговцы мели снѣгъ изъ-подъ навѣсовъ. Къ нимъ подойдя, осмотрѣлся я кругомъ, нѣтъ ли гдѣ двухпудовой гири.

Увидавши ее за дверью одной лавки, я взялъ ее въ правую руку и высоко поднялъ надъ головой.

Всѣ видѣвшіе ахнули, и быстро окружили меня большой толпой, любуясь силою крѣпкихъ мышцъ. Я гирей тяжелой игралъ, кружа ея въ воздухѣ.

Когда правая рука моя устала, въ лѣвую я взялъ чугунную гирю и опять поднялъ ее надъ головою, но она перевернулась въ рукѣ, я поскользнулся и упалъ навзничь, а гиря, какъ птица, далеко перелетѣла черезъ меня. Громкій хохотъ прогремѣлъ по всему торговому ряду.

— Мало хлѣба еще онъ ѣлъ, а расхвастался черезъ мѣру, — говорилъ народъ.

Я всталъ и молча отошелъ отъ нихъ.

Рѣшился найти себѣ квартиру на заводѣ и пошелъ по домамъ спрашивать, не пуститъ ли кто меня въ комнату. Въ одномъ

домѣ, гдѣ жилъ семейный рабочій—токарь Павелъ (какъ онъ назвалъ себя мнѣ), впустили меня на нѣсколько дней.

Хозяинъ Евтихій, молодой человѣкъ въ полтора аршина ростомъ, съ рыжими длинными усами и съ налиткою всегда жилою на лбу, вызывалъ меня рѣзкимъ голосомъ.

— Куда ты идешь?

— Сюда на заводъ!

— Здѣсь мѣста не найдешь ты, у насъ своихъ много; ты лучше отправься на Климовскій заводъ, въ сорока верстахъ отсюда, али въ Чернохолуницкій въ полтораста верстахъ.

Я глядѣлъ на него и задумался. Вспомнилъ сказочнаго мужичка съ ноготокъ, борода съ локотокъ.

Блѣднолицый, кроткій Павелъ вывелъ меня изъ раздумья мягкими словами: «Богъ дастъ, онъ и здѣсь найдетъ занятіе, вѣдь и на тѣхъ тоже много народу, я его устрою».

Евтихій съ рыжими торчащими усами помирился со мною. Мы сѣли за самоваръ.

«Я занимаюсь въ чертежной»,—говорилъ онъ:—«ну-ка налей чаю, чего глядишь, какъ заяцъ». Я сталъ наливать изъ крана, да мимо.

— Эхъ ты, дубина, осель великовозрастный. Еще ищешь работу на заводѣ у машинъ, а того не смекаешь, что вода всегда течетъ внизъ изъ-подъ крана, если загнуть носъ крана книзу. Такъ поучалъ онъ меня, прыгая отъ гнѣва и раздраженія около стола. На крикъ его прибѣжалъ молодой человѣкъ съ черными усами, глаза у него бѣгали быстро, руки и ноги гнулись во всѣ стороны (какъ будто у него не было костей).

— Ну что, Алексѣй, достигъ ли?—спросилъ его Евтихій.

Въ отвѣтъ на это черномазый Алексѣй взялъ десятикопеечную монету, положилъ на ладонь, подулъ на нее, и та стала двадцатикопеечною, еще подулъ и у него оказалась пятиалтынная.

Потомъ разсыпалъ онъ на столъ мѣдныхъ денегъ на рубль, не успѣлъ я оглянуться, а на столѣ ужъ не было ни копейки»

— Молодецъ,—сказалъ Евтихій, и вены на лбу его еще болѣе раздулись.

Хозяинъ съ Алексѣемъ куда-то ушли, даже не взглянувъ на меня, какъ на человѣка безнадѣжнаго во всѣхъ отношеніяхъ.

Вышелъ я на улицу, небо ужъ прояснѣло. Солнце золотило своими лучами стѣны и крыши домовъ и отдаленный куполь церкви.

«Дай, схожу на самый заводъ, поищу себѣ работы»,—подумалъ я и направился туда.

Подошелъ къ какимъ-то страннымъ постройкамъ. Угрюмые дома съ толстыми оконными рамами, съ рѣшетками. Все обведено деревянной стѣной. Противъ меня были открыты широкія ворота и мужики вывозили какіе-то колеса и валы.

Я быстро туда устремился, чтобы войти въ тотъ лабиринтъ построекъ.

Но сколь ни легкокъ я былъ, еще быстрѣ схватили меня четыре руки съ крикомъ: «стой, куда, дурень!»

— Я иду на заводъ, пустите.

— Зачѣмъ на заводъ, воровать?

— Нѣтъ, учиться тремъ ремесламъ—кузнечному дѣлу, часовому, слесарному.

— Какой-то чудакъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ, солдатъ высокаго роста, съ яркими пуговицами, съ мужественнымъ лицомъ, напоминающимъ черногорскаго воина.

Другой тоже улыбнулся и потрясъ длинной бородой. Онъ имѣлъ почтенный видъ древняго бургомистра и одѣтъ былъ въ длинный поношенный кафтанъ.

— Вѣрно, что чудакъ. Развѣ ходятъ на заводъ воротами? Надо идти вотъ черезъ эту избушку. Только для чего тебѣ туда?. Что украдешь, такъ, вѣдь, наломаютъ бока тебѣ, у насъ здѣсь не шутятъ.

— Изъ далекихъ лѣсовъ пришелъ я найти работу и научиться тремъ ремесламъ,—отвѣчаю имъ.

Они меня разспросили обо всемъ, что я испыталъ отъ рожденія моего и также о томъ, чего не испыталъ я.

Наконецъ, увидавши и понявши мои голубинныя мечты, смягчились, и длиннородый обѣщался мнѣ даже найти квартиру у своей дальней родственницы, вдовы съ шестерыми дѣтьми малъ-мала-меньше.

Успокоившись, они сѣли около раскаленной чугунной печки въ избушкѣ, а меня впустили во дворъ завода.

Огромное зданіе высилось предо мною съ большими мрачными окнами.

Оттуда доходилъ до меня страшный шумъ и стукъ сотенъ молотовъ.

Привратникъ, опросивъ меня, открылъ мнѣ двери въ это мрачное заведеніе. И что же? Огромное движущееся желѣзное чу-

довище предстало мнѣ. Тысячи колесъ, маховыхъ, шестеренъ, безконечныхъ винтовъ вращались съ неимовѣрной скоростью. Шумъ и шипѣніе кругомъ. Ремни на колесахъ непрерывно вились, какъ змѣи.

Около чугунныхъ колесъ стояли токаря, по другую сторону у оконъ слесаря, какъ рота солдатъ, на одной линіи стояли, каждый у своего станка, и въ тактъ ударяли молотками.

Они острыми долотами при ужасномъ стукѣ рубили чугунъ, желѣзо и мѣдь, какъ рѣпу.

Желѣзная пыль плавала въ воздухѣ. Вдалекѣ у чугунаго вала я увидаль рабочаго блѣдноликаго Павла. Онъ мнѣ кивнулъ головою и кротко улыбнулся.

Мастеръ вышелъ изъ дальней комнаты, мужчина высокаго роста, молодой, но серьезный, въ сѣромъ пальто и въ высокой шапкѣ. Съ его появленіемъ стукъ и шумъ усилились еще болѣе, такъ послѣ сильнаго грома дождь сильнѣе льется съ потрясенныхъ облаковъ. Я поклонился мастеру и, крича во весь голосъ, просилъ меня принять на службу.

— Ты что умѣешь дѣлать?

— Я пришелъ учиться.

— Нѣтъ, намъ учениковъ не надо, много своихъ есть.

И онъ хотѣлъ - было отъ меня уже отойти, но Павелъ подскочилъ къ нему и что-то нашепталъ ему на ухо.

— Ладно,—сказаль мастеръ:—«тебя принимаю чернорабочимъ за 20 коп. въ день»,—прибавилъ онъ, положивъ свою тяжелую руку мнѣ на плечо:—«бери ломъ и что скажетъ тебѣ вотъ этотъ малый—эй, Федоръ! иди сюда! (къ намъ подскочилъ, какъ будто изъ земли выросъ, бѣлобрысый, маленькаго роста, въ бѣломъ азымѣ, мужичокъ)... вотъ тебѣ еще работничекъ, идите, поднимите валъ изъ-подъ снѣга».

— Сейчасъ,—тоненькимъ голоскомъ крикнулъ Федоръ.

Не успѣлъ я опомниться, какъ уже держался я за веревку и тащили мы чугунный валъ изъ-подъ сугробовъ.

— Эй, дубинушка, ухнемъ,—запѣлъ Федоръ,—эй зеленая сама пойдетъ, сама пойдетъ... И вѣрно, валъ самъ пошелъ, съ побѣднымъ крикомъ втащили мы его внутрь зданія.

Вскорѣ окружили меня слесаря.

— Ты поступилъ на службу, надо всприснуть, четверть водки выставь... такой товарищескій обычай у насъ.

— У меня денегъ нѣтъ.

— Какъ-хоть, а водка была бы.

Павель заступился. «Я дамъ имъ на водку, а послѣ какъ-нибудь отдашь».

Невдалекѣ отъ меня работалъ сѣдой старикъ, какую-то чугунную доску пробуравливалъ... Онъ пальцемъ поманилъ меня къ себѣ.

«Ты ротъ-то не разѣвай, не гляди на нихъ, слушай старика, водки имъ не покупай, откуда у тебя деньги, смотри въ оба, тутъ народъ продувной и пьяницы..»

— Ты, старикъ Иванъ!—крикнули ему изъ толпы,—не развращай его.

— Разъ, два, три, четыре, пять,—отвѣтилъ старикъ, показывая имъ свой огромный кулакъ и считая на немъ холки.

Я посмотрѣлъ на него съ уваженіемъ. Толщина старика была равна его вышинѣ, хотя онъ ростомъ былъ далеко выше меня. Тонкій носъ, красивая большая борода, высокій лобъ и мужественный видъ напомнили мнѣ образъ древне-русскаго богатыря (какой видалъ я на картинахъ).

— Какой молодецъ вы!—воскликнулъ я.

— Я что?—отвѣтилъ онъ.—Мой отецъ девяностошести лѣтъ и сильнѣе и крѣпче меня, хотя мнѣ только шестьдесятъ... Онъ въ прошломъ году женился и взялъ шестнадцатилѣтнюю. Таковъ былъ старикъ Иванъ, который работалъ стоя прямо, какъ тумба.

Я взялъ въ руки молотокъ и долото и давай рубить чугунъ.

Разъ по долоту, два раза по рукѣ. Пальцы мои были въ крови.

— Учись, учись,—говорили проходящіе рабочіе, глядя на мои руки.—Наука полезна.

Недалеко отъ меня работалъ аккуратный и искусный рыжеватый слесарь, одѣтый чисто въ пиджакъ и въ бѣлый фартукъ. Онъ меня спросилъ:—«Ты водку выставишь намъ?»

— Да.

— Молодецъ. За нами не пропадетъ.

— А откуда ты будешь?

Я рассказалъ ему.

— Такъ, значитъ, ты ученъ. У меня дѣти есть, научи-ка ихъ азбукѣ.

— А ты гдѣ живешь?

— На такой-то улицѣ спроси мастера Ефима Пантелеймонова.

Немного подальше отъ него молодой слесарь выравнивалъ

большимъ напилкомъ половину мѣдной трубы. Онъ былъ съ тонкими чертами лица, одѣтъ въ новый вятскій полушубокъ, на ногахъ сапоги съ калошами.

— Это кто?—спросилъ я у Пантелеймонова.

— Это братъ мастера, изъ военныхъ, хороший слесарь, получаетъ два рубля въ день и дѣлаетъ только чистую, тонкую работу.

— А ты сколько получаешь?

— Я полтора.

Посреди огромной мастерской толпа рабочихъ возилась около машины, поднимала ее къ потолку, чтобы устроить новый точильный станокъ.

Руководилъ дѣломъ молодой, блѣдный, сутуловатый, съ длиннымъ носомъ слесарь Сергѣевъ (какъ потомъ узналъ я).

На самомъ краю видна была черезъ открытыя двери кузница, огонь пылалъ тамъ въ раскаленномъ горнѣ и искры вылетали отъ крѣпкихъ ударовъ кузнецовъ. Также купецъ въ одной сказкѣ увидалъ сквозь щель огонь ада и испугался не на шутку. Я это вспомнилъ и мнѣ стало жутко. Гдѣ я?

По другую сторону мастерской было машинное отдѣленіе. Я туда пошелъ. Здѣсь шумъ, какъ отъ водопада Ниагары. Полъ дрожалъ и слышно было, какъ рѣка протекала гдѣ-то въ глубинѣ. Стремительныя ея волны приводили въ движеніе главный валъ, съ которымъ связаны были посредствомъ валиковъ, шестерень, безконечныхъ винтовъ, вращающихся ремней тысячи колесъ и точильныхъ валовъ. И все двигалось, и двигалось непрерывно.

Я прислонился къ чугунному столбу, и мечты овладѣли моею душой, шумъ и движеніе убавкивали меня и образы минувшаго пронесли предъ взоромъ воображенія.

Вспомнилъ я родину свою,—тамъ въ лѣсахъ дремучихъ деревенька. Сотни верстъ отдѣляютъ ее отъ этого завода. А жилъ привольно и хорошо я тамъ. И Фаину вспомнилъ—дочь нашей просфирни, она при прощаніи шепнула мнѣ: «не забудь». И грустныя думы поднялись изъ глубины души, и слезы полились изъ глазъ на темный полъ сумрачной мастерской.

Жилъ въ дубравахъ я среди дѣвицъ прекрасныхъ, на берегахъ рѣкъ, пришелъ сюда въ царство желѣза, глотать чугунную пыль... А все отчего? Треть ремесламъ захотѣлъ научиться, чтобы потомъ устроить жизнь свою въ дремучемъ бору, ни въ комъ не нуждаясь, а дѣлая все своими руками. Да и хочется, чтобы до-

стичь силы великой — поднимать не только правой, но и лѣвой рукой тяжелую гирю... И тогда спокоенъ я буду. Женюсь и буду жить въ дубравѣ подъ сосною великою... У меня ужъ и планъ готовъ избушки и какія комнаты будутъ тамъ, уже определено все.

## II

Прошелъ первый день.

Шесть часовъ ударило. Свистокъ надъ нами раздался. Пора по домамъ! Бросили рабочіе свои инструменты, которые поаккуратнѣе заперли ихъ въ ящики, и пошли мы тѣмъ же порядкомъ, какимъ я вошелъ сюда, черезъ ту же неминуемую, какъ судьба, избушку. Когда обыскивали меня солдатъ со старикомъ, послѣдній спросилъ меня:

— Ну, какъ?

— Работаю,—отвѣтилъ я.

— Зайди ко мнѣ.

Звѣзды на небѣ показались, онѣ рано зажигаются зимою на блѣдно-голубомъ сводѣ, а заря уже угасла на западѣ, я вышелъ изъ своей новой квартиры, у вдовы Серафимы, гдѣ я жилъ, питаясь хлѣбомъ и квасомъ, и направился къ Пантелеймонову.

Онъ жилъ въ деревянномъ домикѣ, въ чистенькой комнатѣ. Дѣтей у него было четверо.

Онъ ласково принялъ гостя, и мы скоро разговорились.

— Тебя кто надоумилъ поступить на нашъ заводъ?

— Токарь Павелъ. Онъ хорошій человекъ.

— Да. Только бѣдняга въ чахоткѣ, а семейство большое; говорятъ, что не вылечить, а начальство не обращаетъ никакого вниманія...

— Вотъ это дѣти,—говорилъ Ефимъ Пантелеймоновъ.

— Ты хорошо живешь, гляжу. Получаешь полтора рубля, дѣтей такими же, какъ самъ, искусными слесарями сдѣлаешь.

— О, нѣтъ! Я не уважаю свое занятіе, тяжелое, чиновникомъ быть лучше, дѣло чистое, я хочу ихъ учить. Вотъ учи моихъ дѣтей, а на заводѣ къ машинамъ приглядывайся. Черезъ лѣтъ пять все это можно будетъ произойти и тогда будешь получать рубль въ день. Начальства у насъ много и выслуживаться можно. Заводъ богатый, управляющій получаетъ двѣнадцать тысячъ, помощникъ шесть, механикъ четыре, много ихъ, а хозяинъ за границей, хозяина никогда не видали.

— Ну, а есть ли у васъ силачи,—спросилъ я.

— Силачей особенныхъ нѣтъ, развѣ Илья, который безмян-нымъ пальцемъ подымаетъ пять пудовъ.

— Мнѣ бы вотъ тоже хотѣлось поднять по два пуда въ каждой рукѣ выше головы по одному взмаху.

— Для чего тебѣ это?

— Развить мускулы.

Долго и много о хорошемъ поговорили мы съ Ефимомъ Пантелеймоновымъ; когда отъ него возвращался я, звѣздъ на небѣ было еще больше. Не знаю, кто зажигалъ ихъ и для чего въ такомъ огромномъ количествѣ.

Въ четыре часа утра, когда еще я хорошо спалъ и могъ бы долго еще спать, хозяйка-вдова разбудила меня: «Слышишь свистокъ, вставай, чуть ли ужъ не второй».

Она научила меня, какъ лапти одѣвать, какъ бѣлыми онучами крѣпко голени ногъ обвивать, какъ завязать ихъ длинными веревочками, чтобы получились красивыя клѣтки и узоры. Одѣвшись въ полушубокъ, взявши въ пазуху краюху хлѣба и украсивъ голову старой, черной, рабочей шляпой, я быстро направился къ заводу. Мастеръ сдѣлалъ перекличку намъ, и задалъ всѣмъ работы.

Федоръ вызвалъ насъ перетащить съ одного угла до другого огромное чугунное колесо.

— Эй ухнемъ, — начали мы благословясь, — эй, зеленая, сама поидетъ. Шестерни зашипѣли, застучали молоты... Изъ кузницы звѣзды-искры вылетали... а вода въ машинной подъ поломъ глухо шумѣла... а тамъ во второмъ этажѣ, куда заглянулъ я изъ любопытства, столяры рядами стояли у верстаковъ. Только стружки мелькали въ глазахъ, какъ ивовые листочки въ вѣтренный день на берегу рѣки. Кипи, кипи работа.

— Эй ухнемъ, Федоръ,—эй зеленая...

Въ мертвомъ царствѣ желѣза все было въ движеніи, чугунъ пилили, чугунъ рѣзали, какъ ольховое мягкое дерево (изъ котораго отецъ мой вырѣзывалъ рѣзбы). Въ шесть часовъ утра все затихло. Насталъ часъ завтрака. Всѣ поспѣшили къ котомочкамъ, а отъ нихъ къ раскаленной желѣзной печкѣ, огромной, какъ чрево ада. Стали спиной къ ней, и грѣлись, и ѣли, и гуторили. Нѣкоторые изъ нихъ, посоливъ ломтикъ чернаго хлѣба, клали на горячій чугунъ соленой стороной, и затѣмъ его изжареннымъ, какъ пирогъ, съѣдали.

Я между тѣмъ посмотрѣлъ туда-сюда, нѣтъ ли гдѣ двухпудовой гири. Нашелъ и взмахнулъ ее въ воздухъ; какъ голубь, она тамъ надъ головой витала.

— Вотъ закуска у него,—смѣялись рабочіе.

— Да, сытна,—говорили другіе:—и пообѣдать не захочешь.

— Да, друзья, нѣтъ ли между вами борца противъ меня..

Желающихъ вызываю.

Мужики другъ на друга указывали, смѣясь.

— Ты выходи.

— Ты самъ.

— Ну васъ.

Наконецъ, Илья вышелъ, дѣтина огромнаго роста, кося сажень въ плечахъ. Онъ на меня посмотрѣлъ и сказалъ:

— Не знаю, тебя не много на землѣ, сколько подъ землею.

Громкій смѣхъ раздался со стороны рабочихъ.

— Давай выйдемъ на снѣгъ.

Вышли. За нами толпа.

Нашли площадь, покрытую пушистымъ, мягкимъ снѣгомъ между слесарной и литейной.

Насъ толпа окружила. Самъ мастеръ въ высокой шапкѣ глядѣлъ на удалцовъ. За кушаки, какъ разъяренные львы, схватили мы другъ друга.

Я хотѣлъ его внизъ головою въ снѣгъ приткнуть для перваго раза, но онъ не пошевелинулся.

Онъ бросилъ меня лѣвой рукой наотмашь, я только два шага сбѣлалъ назадъ.

— Гм!—сказали мы оба.

Я лѣвой ногой задѣлъ его правую и надавилъ ему въ грудь, чтобы на спину свалить (такимъ путемъ сильныхъ опрокидывалъ я). Нѣтъ, стоитъ прямо онъ, какъ столѣтняя сосна на песчаномъ холму. Напрасно вихрь несется мимо нея, лишь кудрявая вершина ея чуть-чуть колеблется.

— Еще молодъ!—произнесъ Илья.

Толпа смѣялась.

— Ай да Илья!

— Да и тотъ ничего, даромъ что маленький!

— Смѣлѣй, смѣлѣй, Ильюшенька!

— И ты маленький не робѣй!

Илья хватилъ меня впередъ, чтобы носомъ ткнуть меня въ снѣгъ.

Я повисъ на его шеѣ.

— Это звѣрь, а не человѣкъ,—сказаль онъ.

— То-то,—говорять въ толпѣ.

Все искусство съ обѣихъ сторонъ употребили мы. На площади снѣга какъ не бывало. Потъ катился съ насъ градомъ.

Наконецъ мой богатырь разсвирѣпѣлъ и, взявши меня обѣими руками за кушакъ, поднялъ на воздухъ, какъ ребенка. Толпа ждала чтó будетъ. Я спокойно пребываль на его груди, хитро выжидая, направо или налево бросить меня (и вспомнилъ тогда Вейнемейнена, который стоялъ на груди у великана Випунена).

Долго медлилъ Илья, наконецъ, изо всей силы взмахнулъ меня съ вышины внизъ. Я вскочилъ на ноги.

— Ловокъ, какъ чортъ,—сказаль онъ.

— Крѣпокъ, какъ дубъ,—отвѣтилъ ему.

И всей ватагой при шумѣ и похвалахъ пошли мы на работу.

Слава о моей силѣ разнеслась по всему заводу.

Познакомился я съ токаремъ Василюмъ. Со складнымъ аршиномъ въ рукахъ стоитъ онъ у вала и вытачиваетъ круги, шестерни, цилиндры, золотники, овалы и Богъ знаетъ чтó. Молодой еще, безбородый, быстрый, ловкій, то выпрямится, то нагнется надъ работой и сдѣлаетъ—любо смотрѣть. Когда онъ съ вами говоритъ, глядитъ вамъ въ глаза прямо и открыто.

— Ариѳметикой желаль бы я заняться,—заявилъ мнѣ онъ послѣ знакомства.

— Что же, я могу, я даже дроби знаю.

— Вотъ дроби-то мнѣ и нужны.

Мы условились съ нимъ за два рубля въ мѣсяць. Я каждый праздникъ къ нему ходилъ, онъ обѣдомъ меня угощаль и чаемъ поилъ.

Двое дѣтей у него — здоровыя и веселыя. Молодая, красивая жена.

Бывало, сидимъ мы и мечтаемъ, какъ бы богатыми быть и жить въ деревнѣ въ свою волюшку.

— Люблю я природу,—говорилъ ему. — Отроги холмовъ, темныя ложбины, дремучій боръ и песчаные берега, а машины неприятны мнѣ.

— Да, это вѣрно, бывало, отвѣтитъ мнѣ Василій. Только мы прикованы къ машинамъ, нельзя отъ нихъ отойти. Но мечтаю я купить,—говорилъ онъ,—взглядывая ласково на молодую жену, уголокъ земли и тамъ зажить среди зелени съ семействомъ, имѣть

своихъ коровушекъ, домикъ... Ну, что, но рюмочкѣ намъ можно, Елена?

— Можно, — отвѣчаетъ жена, а сама идетъ куда-то по хозяйству.

Мы же, выпивъ по одной и по двѣ, отправляемся на поля къ ивовымъ кустамъ, которые пышно росли по берегу озера.

Такъ я жилъ на заводѣ, не считая ни дней, ни мѣсяцевъ, среди бодрыхъ товарищей. Но случилась печальная переменъ между нами. Не стало видно кроткаго блѣднаго Павла у его огромнаго чугуннаго вала. Тамъ теперь стоитъ могучій Илья. Павелъ совсѣмъ былъ боленъ и таялъ, какъ воскъ, съ каждымъ днемъ. Мы были у него и насилу узнали. Онъ лежалъ на кровати и на насъ смотрѣлъ. Лицо у него стало маленькое, все исчезло куда-то. Онъ тихонько намъ сказалъ, когда мы къ нему нагнулись: «мнѣ бы ничего, да дѣтей жаль».

Пришелъ часъ суда для него. Но онъ былъ легокъ для праведника. Онъ незамѣтно уснулъ и надолго, оставивъ плачущую жену и четверыхъ дѣтей. Мы положили его въ грудь земли, глубоко, чтобы мирно онъ спалъ, отдыхая отъ жизни.

Съ тѣхъ поръ чаще удалялся я къ чугунному столбу, къ шуму подземной воды и спрашивалъ, что есть жизнь, что смерть означаетъ?

А когда наступало время завтрака, садился я на холодный валъ близъ рабочихъ; они же, стоя у горячей печки, жевали хлѣбъ или кусокъ рыбы. Тогда стукъ утихалъ въ пространной мастерской, и колеса прекращали свое непрерывное движеніе, кромѣ главнаго вала цилиндра, который, какъ сводъ небесный, всегда вращался.. Тогда я, глядя на чугунные чудовища, освѣщенные свѣтомъ керосиновыхъ лампъ, говорилъ рабочимъ (возвысивъ голосъ) и указывая рукою въ обширное и мрачное пространство мастерской:

«Друзья, не здѣсь бы намъ слѣдовало жить, въ этомъ сумракѣ желѣза! На берегахъ свѣтлыхъ рѣкъ, у прозрачнаго ручья... легче дышитъ грудь человѣка и мечты его свободнѣе текутъ. Надъ нимъ величавая луна плыветъ, немногимъ меньше земли и дочь ея, и огненное солнце, которое землю превосходитъ, какъ это маховое колесо, перстень, носимый на рукѣ женщины.

Солнце, пылающій дискъ, глазъ Бога, Отецъ земли!

О, други! туда бы намъ толпою; вы прикованы къ мертвымъ тѣламъ и гаснетъ жизнь въ вашихъ жилахъ, и не знаете вы,

какъ красивы поля, какъ могучъ смолистый воздухъ сосновой дубравы»...

Рабочіе со вниманіемъ слушали меня, пока завтракъ не кончился, когда же раздался свистокъ, проходя мимо меня, по моей шляпѣ ладонью ударяли говоря: «Много ума подъ этой шляпой».

Черезъ полгода я получилъ повышеніе. Я былъ назначенъ на ночныя смѣны, мы должны были работать отъ 6 час. вечера до 4 утра. (Такимъ путемъ наживалъ я 30 коп. въ сутки).

Въ половинѣ 6-го вечера я направился на ночную работу, обрадованный вниманіемъ ко мнѣ начальства.

Солнце уже давно зашло и заря угасала. Изъ трубъ завода огненные искры вылетали въ черномъ дымѣ. Въ старыя времена такъ вѣдьмы выходили черезъ трубу на ночныя продѣлки въ огненной ступѣ, вспомнилось мнѣ. Какъ сказочные мрачные силуэты стояли темныя зданія — слесарня, литейная и др.

Мы шли съ молодымъ рабочимъ Гаврилой, съ любителемъ богатырскихъ пѣсенъ; онъ и сейчасъ несъ въ карманѣ томикъ былинъ. Ночью, сидя у двери (онъ былъ ночнымъ привратникомъ), будетъ ихъ читать. Онъ былъ безъ одной ноги и на костыляхъ насилу ковылялъ за мною.

Скоро дневные рабочіе ушли, и мы остались одни въ обширныхъ пространствахъ слесарни. Не слышно было стука молотовъ (ночныхъ слесарей нѣтъ, шла только токарная работа).

Въ полумракѣ вращались желѣзныя чудовища — маховыя колеса... и вились ремни, какъ сказочныя змѣи, вращая шестерни. Издалека доносился шумъ воды, текущей подъ поломъ. Казалось, подземныя воды текутъ и потрясаютъ землю, плавающую въ міровомъ океанѣ.

Въ какомъ таинственномъ мірѣ я?

Стою одинъ у высокаго станка и точу цилиндръ для парохода...

Только вдалькѣ за многими станками свѣтитя огонекъ, тамъ работаетъ Филиппъ, мой мастеръ, онъ въ нолушубкѣ и въ валенкахъ. Около него желѣзный листъ, нолный раскаленныхъ углей; надъ этой жаровней онъ грѣетъ руки. Широкое, добродушное лицо Филиппа съ широкимъ же носомъ чуть освѣщено висячею вверху лампою. Онъ стоитъ у станка и что-то поправляетъ.

Еще два три токаря кое-гдѣ работаютъ. Вотъ и все. Пусто, темно и величаво кругомъ среди безчисленныхъ стальныхъ ма-

шинъ. Кузница заперта. Оттуда огонь не вылетаетъ, не видно браваго, ловкаго, покрытаго оспой кузнеца...

Шатаюсь въ полутѣняхъ, то грѣю спину у пылающей огнемъ чугунной печки, то гирьку брошу на воздухъ, то подойду къ Гаврилѣ. Онъ въ полусвѣтѣ читаетъ про Ильющеньку-муромца, сидя у двери. Костыль положилъ онъ возлѣ себя.

«Забѣлѣлась его буйная головушка,  
 Со частой, сѣдой, мелкой бородушкой,  
 Затуманился подъ нимъ его добрый конь,  
 Запылилась за нимъ сила добрая.  
 Подъѣзжаетъ старый къ тремъ дороженькамъ,  
 Къ тремъ дороженькамъ да перекресточкамъ,  
 И лежитъ на перекресточкахъ горячъ камень,  
 на камешкѣ подпись подписана:  
 «Во дорожку ту уѣхать — богату быть,  
 Во другую ѣхать — женату быть,  
 А во третью ѣхать — убиту быть».  
 Дивовался старый, головой качаль».

Такъ полупшепотомъ читалъ Гаврила. Я слушалъ его и какія-то тѣни какъ будто влетѣли въ далекіе темные углы мастерской, у высокихъ мрачныхъ оконъ...

Мнѣ жутко стало, и, открывши дверь, выглянулъ я на улицу... Боже мой! какъ у Бога весело тамъ въ вышинѣ, недоступной человѣку.

Ахъ, если бы крылья имѣть и взлетѣть бы туда за звѣздный песокъ..., туда въ синюю высь... чтобы звѣзды внизу показались.

О, плачь душа! не для тебя царство свѣта! несбыточны мечты твои! Недоступна горящая и искрящаяся даль неземного блаженства!

И сколько ихъ, свѣточей, въ голубомъ океанѣ. Яркія звѣзды, чуть замѣтныя и, наконецъ, бѣлая пыль на темномъ фонѣ! Божій иконостасъ, вонъ тамъ царскія двери за млечнымъ путемъ, надъ ними три звѣзды и посохъ Якова. На облачныхъ клиросахъ херувимы поютъ. Иногда до ушей нашихъ доходитъ эта небесная музыка.

Въ дѣтствѣ, когда я ѣхалъ на рыжей лошаdkѣ вмѣстѣ съ отцомъ въ дремучемъ лѣсу между Шойнаты и Джіаномъ по Вишерѣ, я глядѣлъ на эти же звѣзды и слышалъ музыку. Она тихо раздавалась между мерцающими звѣздами въ небесныхъ пространствахъ.

— Эй, Аркадій, куда ты ушелъ отъ станка... звалъ меня Филиппъ.

Я закрылъ двери и пошелъ къ чугунному вертящемуся валу.

— Масла налей въ машины, да погляди, капаетъ ли берестянка.

Я живо подставилъ лѣстницу верхнимъ концомъ къ потолку объ главный валъ и взлѣзъ по ней, лѣстница дрожала, и страшно было въ большой высотѣ. Ничего, изъ масленки налилъ я масла на движущіеся шарниры. Въ берестянку налилъ воды и пошелъ къ Филиппу. Онъ грѣлъ руки надъ жаровней.

— Наше дѣло хорошее, знай грѣй руки, и работа идетъ, вода работаетъ, только надо посматривать, чтобы она чего не испортила... — такъ наставительно говорилъ Филиппъ...

Я его понимаю, онъ мастеръ хорошій и живеть хорошо. Я у него былъ въ гостяхъ. Онъ въ валенкахъ съ разноцвѣтными пятнами, въ рубахѣ изъ пестреди, встрѣтилъ меня на крытомъ крыльцѣ и ввелъ въ свою комнату, гдѣ не было никакого порядка.

— Сейчасъ, сейчасъ, — говорилъ онъ, отыскивая бутылку, — сейчасъ принесу... Онъ принесъ водки.

— Сейчасъ, сейчасъ, искалъ онъ закуску по разнымъ угламъ; гдѣ найдетъ голову селедки, гдѣ лукъ (полуобжѣденный), гдѣ краюху хлѣба... Ничего, отлично угостилъ меня. Гостеприимный малый. Жена его потомъ пришла. Высокая, дюжая (дородная) женщина, бездѣтная. За что-то крикнула на него и ушла въ другую комнату, захлопнувъ дверью.

— Уймется, ничего, — говорилъ благодушный Филиппъ, наливая мнѣ и себѣ по четвертой рюмкѣ и закусывая лукомъ. — «Только такъ-то слабо... Я люблю настойку съ перцемъ... Охъ, хорошо, забираетъ, до сердца доходить»...

Таковъ былъ Филиппъ — мой мастеръ...

— Дѣлать ничего не надо, только надо слѣдить да не портить, — повторялъ онъ. — Если холодно, возьми жаровню, и какъ на печкѣ сидишь...

Однако, какъ только занялся онъ какимъ-то дѣломъ, я опять выбѣжалъ, и зашелъ въ кричное отдѣленіе.

Какой ужасъ тамъ! Доменные печи стояли, какъ великаны подъ мрачными сводами, онѣ изрыгали невыносимый жаръ изъ палящаго зѣва... Какъ духи безплотные, какъ тѣни въ аду, ходили между ними рабочіе въ бѣлыхъ рубахахъ и шароварахъ съ длинными желѣзными шестами и смѣшивали раскаленные массы

желѣза въ печахъ... Стопудовые молота поднимались и опускались, сплюскивая въ доску огромныя глыбы краснопламеннаго желѣза.

Я увидаль между рабочими знакомаго Михаила... На улицѣ я всегда узнаваль его по румянцамъ на щекахъ. Это румянецъ отъ жара и онъ не смываемъ, вмѣстѣ съ человѣкомъ идетъ въ могилу... Страшно здѣсь работать! Весь въ поту выбѣгаю оттуда и спѣшу въ слесарню...

Но вотъ 6 часовъ утра... Семизвѣздіе поворотилось хвостомъ къ намъ. Заводскій свистокъ огласилъ воздухъ, первый и второй. Толпы денныхъ рабочихъ нахлынули, какъ море въ часъ прилива, а мы съ Филиппомъ сонные уходили...

Весна наступала. Грусть овладѣла моей душой. «Что я здѣсь дѣлаю на заводѣ, зачѣмъ здѣсь живу?»

Чаше-чаще задаваль я такой вопросъ себѣ, бродя по отдаленнымъ лѣсамъ около завода. «Лѣвой рукой никогда не поднимать мнѣ двухпудовой гири; бесполезно я трачу здѣсь время». «Не лучше ли идти къ отцу на родину и сказать ему: «Отецъ! дай нарублю тебѣ жердей въ сосѣднемъ лѣсу», и дастъ мнѣ онъ работу и заживу я тамъ... Тутъ пароходъ придумаю и пушу на сосѣдній прудъ. Фаина и городскія ея подруги придутъ туда, и послѣднія спросятъ: «кто бы это сдѣлалъ этотъ чудесный маленькій пароходъ».

Кому сдѣлать, какъ не ему, нашему Аркадію, хитроумному сыну сѣвера, — отвѣчаетъ съ гордостью Фаина.

А вѣдь хорошо на родинѣ: медвѣдей тамъ сколько въ дремучихъ лѣсахъ, раздолье охотникамъ, красныя бѣлки щелкаютъ орѣхами на густыхъ еляхъ... Не знаю, что я здѣсь дѣлаю. Не лучше ли работать на поляхъ отца? Я подниму туда черноземъ изъ сырыхъ, забучихъ болотъ... Сосѣди-мужики, длиннородные, пройдутъ по межѣ. «Богъ на помощь, Степановичъ!» скажутъ. — Спасибо, добрые люди. Помощь нужна.

Отходя отъ меня, они межъ собой промолвятъ: «Этотъ Аркадій кладъ для старика-отца, на всѣ руки, на ученье ли, или на землепашество».

Нѣтъ, пора домой. «Отчего вижу я», здѣсь никто не объяснить... Это только въ большихъ городахъ кто-нибудь знаетъ.

«Глаза есть и вижу, но почему глаза видятъ, вотъ вопросъ, и на него нѣтъ отвѣта здѣсь ни отъ кого». Пора домой. Конечно, Гаврила меня будетъ удерживать здѣсь. Онъ какъ-то пришелъ

ко мнѣ, хромая, книгу принесть объ Ильюшенькѣ, и давай расписывать мнѣ, какъ хорошо здѣсь лѣтомъ на Холуницкомъ заводѣ. «Озеро большое у насъ, говоритъ, мы купаемся, какъ рыбы, а цвѣты-то, а цвѣты-то кругомъ, какъ коверъ какой, весь берегъ. Живи у насъ, Аркадій».

Не послушаюсь я никого. И Сергѣевъ будетъ говорить — останься, научись наживать кусокъ хлѣба... Нѣтъ, не останусь».

Тогда купилъ я нѣсколько аршинъ сѣраго сукна (солдатскаго) на дорогу... И надѣлъ на себя это несшитое сукно на крестъ, и ремнемъ опоясался, взявъ огромную палку въ руки и пошелъ на заводъ проститься. Сначала рабочіе захохотали, увидавъ меня, но потомъ умилились. «Прощай, прощай!» — сказали.

Я иляпу снялъ и поклонился на всѣ четыре стороны. Василій выбѣжалъ за мною за двери и, обнявъ, поцѣловалъ меня.

— Ахъ, другъ, будемъ переписываться!

— Будемъ! — обнявшись, пролили мы съ нимъ вмѣстѣ слезы на бѣлый снѣгъ.

Бодро вышелъ я изъ завода мимо ряда длинныхъ лавокъ и направился путемъ-дорогой къ далекой родинѣ.

Прощай Холуницкій заводъ! Не знаю, когда удастся снова побывать въ тебѣ!

## ОГЛАВЛЕНИЕ

|                                     | СТРАН. |
|-------------------------------------|--------|
| 1. Цильвань . . . . .               | 5      |
| 2. На Богословский заводъ . . . . . | 33     |
| 3. Холуницкий заводъ. . . . .       | 53     |

п. 587.

# М. В. Пирожковъ

Спб., В. О., Большой пр., д. 6

(„Литературная Книжная Лавка“)

## ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Изыщная литература, исторія, критика и  
публицистика

**БЪЛОЗЕРСКИЙ, Н.** (Ив. Порошинъ).

Записки учителя. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1905 г. 75 к.

*Мельхиоръ де-ВОГЮЭ.*

Максимъ Горькій. Произведенія и личность писателя. Съ портретомъ.  
Переводъ А. Б. Ф. Спб. 1902 г. 25 к.

**ВОЙТИНСКИЙ, ВЛ.**

Рынокъ и цѣны. Теорія потребленія, рынка и рыночныхъ  
цѣнъ. Съ предисловіемъ *М. И. Туланъ-Барановскаго*. Спб. 1906 г. 2 р.

**ГОРИНЪ, Н.**

Основные идеи произведеній Максима Горькаго. Съ портретомъ.  
Спб. 1902 г. 30 к.

**ГУРЕВИЧЪ, Л.**

„Съдокъ“ и другіе разсказы. Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

**ЗАХАРЪИНЪ, И. Н.** (Якунинъ).

„Встрѣчи и воспоминанія“. Изъ литературнаго и военнаго міра.  
Спб. 1903 г. 1 р. 75 к.

**КАРАБЧЕВСКИЙ, Н. П.**

Дѣло бывшаго студента московскаго университета Егора Сер-  
гѣева Сазонова, обвиняемаго въ убійствѣ статсъ-секретаря  
Палея и рѣчь въ защиту Сазонова. 2-ое изд., испр. и доп. су-  
дебнымъ приговоромъ. Спб. 1906 г. 25 к.

**КЕННАНЪ, ДЖОРДЖЪ.**

Сибирь! Томъ I. Переводъ съ нѣм. безъ всякихъ сокращеній. Спб.  
1906 г. 75 к.

**ЛЕМКЕ, МИХ.**

Думы журналиста. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

**МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.**

Вѣчные спутники. Пушкинъ. 3-е изд. Спб. 1906 г. 40 к.

Грядущій Хамъ. Спб. 1906 г. 1 р.

Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческая повѣсть Лонгуса о любви пастушка  
и пастушки на островѣ Лезбосъ. 2-е изд. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

Л Толстой и Достоевскій. Т. I. Спб. 1903 г. 2 р.—Т. II. Спб. 1903 г. 3 р.

Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV в. 2-е изд. Спб.  
1904 г. 1 р. 25 к.

Петръ и Алексѣй. Историческій романъ. Спб. 1905 г. 3 р.

Пророкъ русской революціи. Къ юбилею Достоевскаго. Спб.  
1906 г. 1 р. 25 к.

Выписывающіе изъ Склада за пересылку не платятъ.—  
Каталогъ высылается за 7-коп. марку по первому требованію.

- МОРСЬЕ, де-, **А. Б.**  
 Права женщинъ въ вопросы социального воспитанія. Переводъ съ франц.  
 Эльтъ. Спб. 1907 г. 50 к.
- ПЕРЦОВЪ, П.  
 Венеція. Съ 25 снимками съ картинъ знаменитыхъ художниковъ.  
 Спб. 1905 г. 1 р.
- РОЗАНОВЪ, В.  
 Около церковныхъ стѣнъ. Въ двухъ томахъ. Спб. 1906 г. Ц. за  
 каждый томъ 2 р.  
 Ослабнувшій фетишъ. Психологическія основы русской рево-  
 люціи. Спб. 1906 г. 20 к.
- ЯКИМОВЪ, ВАСИЛІЙ, авторъ книги „По слѣдамъ голода“.  
 Безъ хлѣба насущнаго. Разказы. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

## Философія

Собственныя изданія:

- ДЖЕМСЪ, УИЛЛЬЯМЪ.  
 Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты популярной философіи.  
 Перев. съ англійскаго С. И. Церетели. Спб. 1904 г. 1 р. 75 к.
- ЖАКОВЪ, К.  
 Понятіе предѣла въ математикѣ (съ точки зрѣнія логики).  
 Спб. 1905 г. 25 к.  
 Теорія перемежнаго и предѣла въ гносеологіи и въ исторіи по-  
 знанія. Спб. 1904 г. 1 р.
- МИНСКІЙ, Н. М.  
 Реалия будущаго. (Философскіе разговоры). Спб. 1905 г. 2 р.
- ЮМЪ, ДАВИДЪ.  
 Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія. An Inquiry concerning human  
 understanding. Пер. съ англ. С. И. Церетели. Спб. 1902 г. 1 р.

Изданія, находящіяся полностью на складѣ:

- БЭНЪ, А.  
 Психологія. Переводъ съ англ. и предисловіе пр.-доц. Казанскаго  
 Университета Вл. Н. Ивановскаго. Томъ II. Москва, 1906 г. 2 р. 50 к.
- ВВЕДЕНСКІЙ, АЛЕКСАНДРЪ, проф. Спб. Унив.  
 Философскіе очерки. Выпускъ I. О философіи въ Россіи, о  
 мистицизмѣ и критицизмѣ В. С. Соловьева, о свободѣ воли,  
 о смыслѣ жизни, объ отношеніяхъ вѣры къ знанію. Спб.  
 1901 г. 1 р.
- КАРСТАНЬЕНЪ, ФРИДРИХЪ.  
 Введеніе въ „Критику чистаго опыта“ (Friedrich Carstanjen.  
 Einführung in die «Kritik der reinen Erfahrung»). Переводъ В. Лесе-  
 вича, по неизданной рукописи 2-го, пересмотрѣннаго и дополненнаго  
 авторомъ, изданія. Спб. Изд. 2-ое, испр. Спб. 1899 г. 1 р.
- ЛЕСЕВИЧЪ, В.  
 Опытъ критическаго изслѣдованія основначаль позитивной  
 философіи. Спб. 1877 г. 1 р. 25 к.  
 Письма о научной философіи. Спб. 1878 г. 75 к.  
 Что такое научная философія? Этюдъ. Спб. 1891 г. 2 р.  
 Этюды и очерки. Спб. 1886 г. 1 р. 50 к.  
 и друг.

Выписывающіе изъ Склада за пересылку не платятъ.—  
 Каталогъ высылается за 7-микоп. марку по первому требованію.